

ЛЕА РЭД

ЦВЕТЫ В ПУСТОТЕ

LIKE
BOOK

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р96

Иллюстрация на обложке — *Елена Скиталец*

Художественное оформление *Константина Гусарева*

В оформлении 4-й сторони обложки использована иллюстрация:

© Triff / Shutterstock.com;

В оформлении авантитула использована иллюстрация:

© Pacific Productions / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рэд, Леа.

Р96   Цветы в Пустоте / Леа Рэд. — Москва : Эксмо, 2023. —
496 с.

ISBN 978-5-04-122639-8

В отдаленном уголке космоса скрыта от посторонних глаз особенная планета: ее жители не знают ненависти, зависти и войн, а больше всего почитают знания, доброту и человеческую жизнь.

Раз в несколько сотен лет на этой планете рождаются такие, как Сильвенио: Хранители Знаний с абсолютной памятью, чье призвание — служить своему народу путеводной звездой.

Но планам юного Хранителя Знаний не суждено сбыться. Его похищает Аргза Грэн — печально известный космический пират, привыкший забирать себе все лучшее и не знающий пощады.

Теперь Сильвенио вынужден столкнуться с жестокой и непредсказуемой реальностью, которая оказывается совсем не такой однозначной, как в книгах...

Выдержат ли принципы проверку временем? Возможно ли сохранить в безумном путешествии себя, не уничтожив при этом другого? И способно ли чудовище на человеческие чувства?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122639-8

© Рэд Л., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

ВЬЮНОК

«Символ смирения и скромности. Он говорит: “Присмотрись ко мне, я украшу твою жизнь”».

*Архивы Старой Земли:
«Язык цветов»*

— Капитан... двигатели заклинило!

Аргза выругался. Надежда на то, что из опасной зоны можно будет выйти мощным рывком, до сих пор не желала его покидать. Но двигатели отказали раньше.

— Дьявол! Что с запасными?

Секундное молчание. Сильные помехи в динамике.

— Почти полностью уничтожены, капитан!

— И вы говорите об этом только сейчас, идиоты?!

Снова помехи и шипение. На заднем плане слышался грохот и крики рабочих, на которых падали части разваливающихся двигателей.

— Не было замечено... — помехи. — ...повреждений... — помехи. — Близнецы скрыли!..

Вот дьявол, теперь понятно! Ублюдки снова использовали один из своих любимых трюков — не только напали исподтишка, но и скрыли самые важные повреждения, отведя глаза иллюзией, чтобы противники не сразу заметили неладное. И угораздило же их попасться Близнецам именно здесь, где в пределах видимости нет даже достаточно большого астероида, не говоря уже о планетах, чтобы совершить где-то аварийную посадку!

«Определенно, сегодня выдался неудачный день. Крайне неудачный», — подумал Аргза с досадой.

Корабль трясло так, что невозможно было удержать взгляд на одной точке — перед глазами все безостановочно прыгало. В немом отчаянии мигали аварийные красные лампочки: в немом — потому что панически завывающую по всему кораблю

сирену Аргза, разозлившись, вырубил после первых же тридцати секунд. Один за другим теряли питание отсеки, не выдерживая общей перегрузки системы, и экипажу приходилось перебираться все ближе к кабине управления. Аргза, честно говоря, понятия не имел, что будет делать, если они все попытаются в эту кабину в итоге забиться — места здесь не хватит и для трети. Правда, главная кабина могла отделяться от всего остального корабля, но оставлять всю команду на смерть не хотелось. В частности, хотя бы потому, что на жалких запасах топлива, которое имелось в двигателях головного отсека, вряд ли получится долететь до ближайшей обитаемой галактики, где можно будет достать новый корабль и новых рабочих. Судя по координатам, которые все еще уныло мерцали на экране консоли, вокруг на много парсеков раскинулись сплошная пустошь и бесплодные метеоритные пояса. Близнецы знали, куда загнать, черт бы их побрал!

Внезапно откуда-то спереди Аргзу ослепило обширной оранжевой вспышкой. От носа корабля по всему трещавшему по швам корпусу прокатилась волна непонятного жара — такая, что Аргза немедленно отдернул руки от раскалившихся рычагов. Когда же зрение вернулось, было уже поздно: на корабль снизу стремительно надвигалась возникшая из ниоткуда поверхность земли.

Уже можно было разглядеть и причудливые изогнутые деревья, и рассыпанные поодаль друг от друга дома с разноцветными круглыми крышами. Понемногу становились видны и фигурки выбегающих из домов людей, и Аргза еще, помнится, успел подумать со злостью: да чтоб всех этих любопытствующих придавило обломками его корабля, когда он рухнет! Не уходить же, в самом деле, из жизни без жертв! Тем более что вместе с ним погибнет и его легенда, на этой-то захоластной планетке...

Больше он не успел ничего, потому что в следующий миг корабль столкнулся с поверхностью, и Аргзу вырубил мощной ударной волной.

К его величайшему удивлению, однако, мир не прекратил существовать. Вместо ожидаемой пустоты — в загробную жизнь Аргза Грэн решительно не верил, — когда он открыл глаза, над ним обнаружился мерцающий голубоватыми бликами круглый потолок. Он попробовал шевельнуться — и сразу же о себе напомнила пульсирующая в затылке тупая боль.

— Пожалуйста, не вставайте пока. Мы еще не закончили ваше лечение, — прозвучал рядом заботливый голос.

В поле его зрения возникла женщина. Высокая и тонкая, затянутая в закрытое серебряное платье, с ярко-синими волосами, ниспадающими с плеч, и синими же ресницами, с открытой доброжелательной улыбкой и мягким взглядом — она могла бы напоминать ангела. Он чуть повернул голову в ее сторону, внимательно разглядывая.

— Мое лечение?

Женщина кивнула, продолжая улыбаться. Когда она плавно приблизилась к нему, легкое серебристое платье свободно заструилось по тонкой фигуре. Аргза наконец огляделся вокруг. Его взору предстала небольшая комната, окутанная полумраком и наполненная странными предметами вроде летающих в воздухе шаров, отбрасывающих на потолок те самые блики, и необычной мебели, как будто сплетенной сплошь из клубков мягкой шерсти. Возле стен уютно расположились стеллажи, на полках которых мирно дремало множество книг.

— Вам требуется информация, я понимаю, — сказала женщина тем временем. — И, конечно, нет причин ее от вас скрывать. Вы упали на нашу планету. Вам она известна как Эрландерана, координаты могу сообщить позже, если пожелаете. Сейчас они вам ничего не дадут. Вы застали нас врасплох, прорвав нашу естественную завесу, поэтому мы не смогли вовремя оказать помощь, но сумели немного затормозить падение. Однако ваш корабль и команда достаточно сильно пострадали. Исследовав корабль, мы обнаружили множество серьезных повреждений, полученных, видимо, в тяжком сражении, но вам не о чем беспокоиться: наши механики с удовольствием помогут вам его починить и даже улучшить, если вы этого пожелаете. Вы получите всю необходимую помощь, медицинскую в том числе, и, пока ваше судно будет в ремонте, вы можете считаться почетным гостем Эрландераны. Пожалуйста, не стесняйтесь и чувствуйте себя как дома.

Она говорила не на языке Федерации, понемногу распространяющей свое влияние даже в самые отдаленные галактики, и даже не на его чуть измененной пиратами версии, которая имела все шансы стать новым всеобщим сленгом. Она говорила на его родном языке, на языке планеты, где он был рожден и которую покинул уже очень, очень давно. Неудивительно: эрландеранцы славилась своей способностью к мгновенной теле-

птии, позволявшей им в первую очередь без проблем говорить на любом незнакомом наречии.

Да и не только этим, честно говоря! Про Эрландерану и ее обитателей ходило столько слухов, что впору бы считать их сказками: и что они, мол, владеют едва ли не самой мощной природной магией, и что в основе их цивилизации лежат законы разума и рационализма, что у них никогда не было войн, что им доступна какая-то скрытая для большинства других рас мудрость... Но Аргза, глядя на свою собеседницу, начинал уже думать, что не такие уж это были и небывицы, судя по этой представительнице данного народа. Все в ней было изящно и прекрасно, все в ней дышало каким-то особенным миролюбием и спокойствием, таким редким в эти тревожные времена. Лицо у нее было молодое, а глаза цвета морской волны сияли мудростью, не соотносившейся с ее юной внешностью. Кожа была почти белоснежная, но выглядела она при этом почему-то вполне здоровой, и Аргза сразу вспомнил ту часть слухов, в которых говорилось, будто бы у эрландеранцев два вида крови в теле — один красный, как практически у всех гуманоидных рас, распределяющийся под поверхностью кожи невообразимо тонким слоем, а другой — серебряный, холодный, глубинный.

— Как твоё имя? — спросил он зачем-то.

Женщина подоткнула ему одеяло и поправила подушку. Положила на лоб узкую прохладную ладонь, измеряя, видимо, температуру.

— Унтеру-Лив Мантэ, — ответила она на своем языке и тут же перевела: — Оно означает на вашем наречии «Прозрачная летняя река».

Имена были отдельной частью сплетен про этих чудаков. Длинные, причудливые, как их флора и фауна, имена непременно обозначали какое-то явление или элемент природы, и непременно с названием того времени года, когда обладатель имени родился. Аргза невольно поморщился — его имя не обозначало ровным счетом ничего, и его это вполне устраивало, как, впрочем, и всех его сородичей.

— Отдыхайте, господин Аргза Грэн. — Улыбка Унтеру-Лив Мантэ стала на мгновение по-доброму лукавой, демонстрируя, что телепатия полезна не только для перевода.

И прежде чем он успел разозлиться и спросить, что еще, кроме имени, она теперь о нем знает, она невесомо коснулась

его век кончиками пальцев, шепнула какое-то слово, и — он уснул.

Проснулся он снова только тогда, когда все раны и ушибы его, судя по ощущениям, надежно зажили. Комнату, в которой его поселили на время, заливал мягкий солнечный свет, льющийся из непомерно огромных треугольных окон, и в его обволакивающих лучах все предметы выглядели еще более уютно. Из соседней комнаты слышались чьи-то тихие разговоры. Аргза встал с кровати и, направившись к двери, задержался возле зеркала — а то мало ли что тут с ним могли сделать, пока он пребывал в отключке. Впрочем, вроде бы никаких экспериментов на нем эти любители знаний не ставили (значит, одна сказка про них точно не подтвердилась). По крайней мере, внешне в нем ничего вроде бы не изменилось: все та же смуглая кожа, длинные и густые черные волосы, рассыпавшиеся по могучим плечам, все те же стальные мышцы и рост под три метра — хорошо хоть, дом был довольно просторный и о потолок ему стукаться затылком не приходилось. Уши не изменили форму, конечностей по-прежнему сохранилось строго необходимое количество, чешуи не появилось — и на том спасибо. Разве что вместо привычной шубы из перьев ему выдали тонкую белую пижаму, на удивление подходящую по размеру, — должно быть, подогнали магией. Пижамы была удобная и мягкая, и это почему-то лучше всего убедило Аргзу в мирных намерениях приютивших его людей: кто же станет давать такую хорошую одежду тому, кого собираются убивать или держать в плену?

Хмыкнув своим мыслям, он толкнул дверь, за которой обнаружилась просторная гостиная с круглыми окнами и пушистыми коврами, больше похожими на расстеленные на полу облака. В гостиной, сидя на одном из них, расположились трое — уже знакомая ему женщина, широко улыбающийся ей мужчина с озорными кудрями цвета весенней травы, на вид такой же молодой и такой же изящный, и маленький мальчик, которого Аргза заметил не сразу. Мальчик тихо играл в углу комнаты, строя большой сияющий замок из гибких светящихся трубочек, заменяющих, видимо, обычные кубики.

— Добрый день, — поприветствовала его Унтеру-Лив. — Я вижу, вы вполне восстановились. Тем не менее, прошу вас, оставайтесь в нашем доме столько, сколько пожелаете. Ваш корабль еще не готов, но наши лучшие механики уже взялись за

дело. Все члены команды выжили благодаря усилиям здешних медиков: обошлось без жертв, однако приступить к работе они еще не могут. Позвольте, я представлю вам мою семью: это, — она кивнула на тут же отвесившего приветливый поклон мужчину, — мой муж, Эневиан Гантэ Сиру. И, — она указала на мальчика в углу, — наш сын, Сильвенио Антэ Лиам. Их имена означают «Поющий весенний лес» и «Серебряный осенний дождь», если вам интересно. Желаете пообедать с нами? Как раз подходит время трапезы.

Она вовсе не тараторила, — напротив, голос ее лился гладко и плавно, неизменно завораживая, а информацию она выдавала ровно в порядке по убывающей для него значимости. У Аргзы сводило скулы от такой доброжелательности — он как-то больше привык к несколько другому отношению, и теперь такое безупречное по всем канонам поведение казалось ему неестественным.

И только мальчик, посмотрев на него, не улыбнулся. Аргза поглядел на него с любопытством: было в этом ребенке что-то такое, что цепляло взгляд. Мальчик был больше похож на мать, чем на отца: от нее ему достались такие же синие пушистые и непослушные волосы и общие черты лица, а от него — пронзительно-голубые глаза и тонкие губы. Мальчишка смотрел на него оценивающе, без злобы, но и без этой жизнерадостной приветливости, с которой смотрели его родители: сразу было видно, что такие серьезные дети не улыбаются просто так каким-то незнакомцам.

— Здравствуй, — сказал мальчик таким же серьезным тоном и вдруг поведал: — Я только что закончил модель королевского замка с планеты Рьюга. Хочешь посмотреть?

Видимо, это было самое щедрое проявление гостеприимства для него, но Аргзе это понравилось гораздо больше радушия его родителей. Он подошел и с интересом оглядел замок из трубочек. На Рьюге он бывал, но до замка так и не добрался. Однако почему-то сразу понял, что перед ним абсолютно точная миниатюрная копия оригинала: уж больно много было мелких деталей. Как будто замок из сияющих трубочек строил не ребенок, а профессиональный архитектор.

— Неплохо, — оценил Аргза и попытался потрепать мальчишку по похожим на синий пух волосам, но тот сердито сдвинул бровки и уклонился от его ладони.

— Сильвению не любит чужих прикосновений, — пояснила Унтеру-Лив все с той же раздражающей улыбкой.

— У нашей расы, — присоединился ее муж, — очень высокий порог чувствительности из-за насыщенности кожи нервными окончаниями. Пожалуйста, не тревожьте нашего сына, он еще не привык к чужим.

Аргза неопределенно хмыкнул и пожал плечами. Мальчишка молча смотрел на него своим очень взрослым изучающим взглядом; он не был похож на остальных детей, шумных и слишком надоедливых, которые встречались Аргзе раньше.

— Так вы не против разделить с нами трапезу? — напомнила женщина.

Он неохотно кивнул, выражая согласие. Вероятность отравления, конечно, по-прежнему была велика, но, с другой стороны, его вполне оправившийся организм уже настойчиво требовал едва ли не удвоенной нормы питания, да и отказ наверняка вызвал бы подозрения — то, что подозрительности у этих людей не бывает в принципе, в голову ему как-то не пришло.

Чем больше он узнавал этот маленький мирок, похожий на огромный человеческий заповедник (иначе зачем бы там столько нетронутого природного пространства и ни одного животного в неволе?), тем больше пропитывался неприятным ощущением собственной чужеродности. Никто не упрекал его в этом вслух, и все они — пестроволосые, прекрасные, добрые — по-прежнему дружелюбно улыбались ему при встрече и все порывались предложить любую помощь, которая только могла потребоваться: от советов по улучшению корабля до экскурсии по самым памятным уголкам и демонстрации магии (Аргза, впрочем, все равно почти от всего отказывался — он не настолько им доверял, чтобы согласиться менять свой корабль по их усмотрению, а до местных красот ему не было никакого дела). Но слово «чужак» все равно проскальзывало в каждом взгляде, в каждом снисходительном жесте, в каждом сочувственном к нему обращении. Команда же, тоже заботливо исцеленная, носилась по изумрудной траве и едва ли в рот не заглядывала посмеивающимся над ними эрландеранцам. Аргза про себя чертыхался, но смиренно ждал: после злополучной атаки Близнецов ему и его парням и впрямь требовалась большая передышка — особенно если учесть, сколько им еще придется лететь до более-менее вменяемых людей. Самого же его не впечатляло ни оранжевое

небо над головой, ни все эти заумные беседы, которые с ним пытались вести местные, ни эта всеобщая атмосфера любви и гармонии, царившая здесь. От последнего у Аргзы, надо сказать, вообще оставался на языке какой-то кисловатый привкус, и видя в очередной раз, как воркует какая-нибудь парочка влюбленных, нашедшая себе укромный уголок в лесу, где он гулял, он резко разворачивался и шел от них в противоположном направлении — пока не стошнило от этой умильной картины.

И только маленький сын приютившей его семейной четы почему-то не раздражал. Аргза видел, как тот тоже частенько ищет уединения от окружающих его людей, играя с какими-то хитроумными игрушками (Аргза вовсе не был уверен, что, дай ему одно из этих странных приспособлений в десять — да даже в двадцать! — лет, он бы смог разобраться в устройстве, а не разломать его к чертям) либо устраиваясь где-нибудь в уголке гостиной или в тени деревьев с очередной толстой книгой. Наблюдать за ним было как-то даже... приятно? Всегда тихий, всегда чем-то занятый, сам не занимающий много пространства, никогда не позволяющий своему личику подхватить одну из этих сочувственно-приветливых улыбок, в изобилии встречающихся вокруг, — в представлении Аргзы он был идеальным жителем этой планеты.

Неудивительно, в общем, что в день, когда ему сообщили, что корабль и команда наконец готовы к отлету, Аргза не испытывал ничего, кроме облегчения. Даже благодарности — но ее, как оказалось, никто и не требовал. Аргза едва удержал порыв размокнуть очередное улыбающееся лицо («Мы так рады, что ваше судно теперь в порядке, но, быть может, вы задержитесь еще ненадолго?») о ближайший камень и благоразумно отошел от всех провожающих.

Чуть в отдалении от корабля, на краю выбитого падением неглубокого кратера, сидел тот самый мальчишка, наблюдавший за поднимающимися на борт членами экипажа. Аргза подошел и, сам не зная зачем, сел с ним рядом.

— Здравствуй, — сказал мальчик серьезно.

— Здравствуй, — усмехнулся тот в ответ. — Тебе нравится мой корабль?

Мальчик пожал плечами, не изменившись в лице. Ветер ласково трепал его синие волосы, невесомые и послушные малейшему дуновению.

— Мне нравится идея взять форму паука, только он у тебя получился слишком злой. Хорошие двигатели, большой диапазон скоростей и оружия. Это не слишком удивительно: люди твоей расы обычно хорошо разбираются в военных кораблях. Мы думаем, что рано или поздно, однако, даже ваш народ встанет на путь просвещения и отринет беспокойный путь войны. Ты ведь с Архагла, я не ошибся? Ты имеешь все отличительные признаки варваров и подходящее имя, но я ни разу не встречал ни одного варвара вживую, только читал о них. Значит, велика вероятность ошибки.

Аргза хмыкнул. Жителей Архагла и в самом деле повсеместно называли исключительно «варварами», что как нельзя лучше им подходило: выраставшие под жадным архагльским солнцем в два-три раза выше среднего человека, все, как один, загорелые и темноволосые, обладавшие недюжинной физической силой и выносливостью, они были воспитаны в истинно варварских по всем нынешним канонам суровых традициях, поэтому в большинстве своем они быстро разлетались с родной неприветливой планеты по всем ближайшим галактикам. И неизменно терроризировали подвернувшийся им уголок космоса.

Но откуда бы это знать сопляку, живущему в мире, спокойствию и отдалении от всех новостей, в чьих книжках не должно быть, по идее, даже упоминаний о подобном?

— Ты много читаешь. У нас таких называют книжными червями.

Мальчишка глянул на него — и вдруг неожиданно улыбнулся как-то мечтательно, загадочно и торжественно одновременно, наконец-то соответствуя своему возрасту.

— Конечно, я много читаю, — признал он важно. — Я же буду Хранителем Знаний! Это очень почетно: Хранители Знаний рождаются раз в несколько сотен лет. Я буду знать все-все, и ко мне будут обращаться за советом со всех миров!

Аргза уважительно присвистнул: об эрландеранских Хранителях Знаний легенд ходило еще больше, чем обо всех остальных представителях этой расы, вместе взятых. Якобы они запоминали любую информацию, раз прочитанную или услышанную, и вдобавок имели просто невообразимую связь с любой техникой. Каждый мечтал бы иметь одного из них в помощниках, но до сих пор даже попасть на Эрландерану считалось невозможным.

«Надо бы поблагодарить Близнецов», — подумал он с усмешкой — без их помощи он скорее всего никогда не попал бы сюда. И этот мальчик... у Аргзы появились по поводу него некоторые мысли.

— Твой корабль, — сказал мальчишка тем временем, непроизвольно подтверждая его догадки. — Им можно управлять с гораздо меньшим количеством людей на борту, и тогда вероятность избежать аварии в критической ситуации будет выше. Один достаточно хороший техник мог бы заменить как минимум четверть твоей команды. Это также уменьшило бы нагрузку на общий корпус.

Аргза посмотрел на него.

— Сколько людей мог бы заменить, к примеру, ты? — спросил он вкрадчиво.

— Я думаю, около ста человек мог бы. Как минимум. Я не видел твой корабль изнутри, а потому не могу сказать, какая там система и сложно ли с ней справиться.

Аргза улыбнулся, демонстрируя ряд ровных ослепительно-белых зубов, резко контрастирующих с темной кожей. Глаза его стали совсем черными, как всегда бывало, если ему в голову приходила какая-то особенно удачная идея.

— Пойдем. Я покажу тебе свой корабль.

Мальчишка явно что-то заподозрил, судя по его недоверчивому взгляду. Но любопытство было самой опасной из всех черт Хранителей Знаний, и об этой их черте прекрасно известно было даже тем, кто никогда с ними лично не встречался. Этот маленький умник не был исключением. Он мигом поднялся на ноги и даже — после некоторых раздумий — доверил ему свою маленькую ладошку, казавшуюся совсем крошечной по сравнению с крепкой и широкой лапищей Аргзы.

Они поднялись по трапу в числе последних членов команды. Прошли через несколько общих помещений, где уже понемногу обустраивались рабочие, и стали продвигаться куда-то вверх: корабль Аргзы действительно был непредставимо огромен, и если снаружи он напоминал чудовищного гигантского паука, то внутри скорее был похож на лабиринт из коридоров. С непривычки в его недрах вполне можно было заблудиться.

Кажется, этот ребенок окончательно понял все только тогда, когда Аргза, уводя его за собой в кабину управления, служившую головой паука, вдруг отдал по громкой связи приказ

немедленно взлетать. Двигатели тут же с готовностью взревели, и сильный толчок откуда-то снизу дал понять, что корабль оторвался от поверхности.

— Но... подожди... Я не хочу с тобой лететь! Мне еще рано вылетать в открытый космос. Верни меня домой, пожалуйста. Мои родители будут волноваться.

Он все еще сохранял спокойствие, вполне похвальное для того, кого похищают. Аргза же, мигом растеряв всю свою доброжелательность, грубо подтащил его к себе и защелкнул на его шею что-то металлическое.

— Это рабский ошейник, — не спросил, а утвердил мальчик с нотками ужаса, неверяще ощупывая шею.

— Да, он самый. — Аргза ухмыльнулся. — Новейшая разработка. Блокирует любой вид магии и растет вместе с носителем. Надеюсь, теперь ты понял? Да, ты понял, ты ведь такой сообразительный. Именно поэтому ты мне и нужен. Что ж, поздравляю! С этого момента ты официально числишься служащим на флоте Паука!

Сильвенио бросился к окну. Слишком поздно: Эрландерана была уже скрыта завесой невидимости, и о ее присутствии среди мерцающих во мраке космоса далеких звезд ничего даже не напоминало. Он закусил губу, все больше бледнея, но, надо отдать ему должное, не стал совершать ничего необдуманного. Не стал даже кричать и плакать, что только еще раз убедило Аргзу в том, какое редкое сокровище он приобрел.

— Я не буду работать на варвара, — произнес мальчик тихо, но твердо. — Я буду Хранителем Знаний, я ведь говорил. А знания не принадлежат никому. Верни меня домой, пожалуйста, и я обещаю, что буду помогать тебе советами... когда ты будешь за ними ко мне прилетать.

Затрещина, которая могла бы свалить с ног и взрослого, ребенка заставила отлететь в другой конец просторной круглой кабины. Он не успел еще подняться, как над ним нависли темные, страшные в своей бездушности глаза Аргзы Грэна, прозванного Пауком — и прозванного так не только за его корабль.

— А теперь послушай меня, как тебя там...

— Сильвенио Антэ Лиам, — сказал он одеревеневшими губами, весь как-то сжавшись и медленно отползая назад.

— Да... слишком длинно. Я буду звать тебя Лиам. — Аргза снова вздернул его за плечо, поставив на ноги. — Так вот, Лиам.

Ты теперь будешь работать на этом корабле. И лучше бы тебе как можно скорее к этому привыкнуть, потому что из меня, видишь ли, не выйдет хорошей няньки. Хочешь ты или нет, ты будешь мне подчиняться. Да, кстати... — Он ухмыльнулся снова, будто вспомнив хорошую шутку, на деле же он вспомнил лишь, с какой изрядной долей снисходительности смотрели на него эти якобы высокоразумные создания. — Тебе пора прекратить называть меня варваром. Обращайся ко мне, скажем, «милорд» или «сир». Ясно?

Сильвенио старательно тер ладошкой глаза, очевидно, сдерживая подступившие слезы: все-таки, несмотря на весь свой потенциал, он был всего лишь ребенком.

— Ты не король, чтобы так тебя называть...

— Для тебя я и король, и бог, и отец, и хозяин, советую это хорошенько запомнить, если хочешь жить. И — да, к слову: сбежать даже не пробуй: в ошейник встроено маячок. Вопросы есть, малец?

Тот замотал головой, не поднимая взгляда. Как-то так, практически в одно мгновение, его жизнь вдруг перевернулась с ног на голову: только что он был окружен заботой и любовью, жил в уютном доме, был счастливым обладателем всевозможных радужных перспектив и уже в десять лет выбрал для себя отличное будущее — и вот его увозят в неизвестность на пиратском (это он уже успел понять) корабле в рабском ошейнике.

— Нет? Отлично. Зато у меня найдется парочка. Скажи-ка, это правда, что обычаи вашей расы запрещают вам лгать и вредить?

Сильвенио затравленно, обреченно посмотрел на него, и его большие голубые глаза уже неотвратимо наполнялись слезами. Аргза усмехнулся: кроме любопытства, у Хранителей Знаний с Эрландераны имелось множество других слабостей. И самая главная заключалась, пожалуй, все-таки в том, что они должны были ответить на абсолютно любой вопрос (исключая разве что риторический), кто бы им его ни задал. Смолчать или солгать они не могли просто физически — какая-то неведомая сила не оставляла им даже возможности выбора.

— Да... сир. Это правда. Мы отказались от физического воздействия в пользу... — Он шумно всхлипнул. — В пользу созидательной силы разума... Мы... не причиняем вреда живым созданиям и... поэтому мы... не используем никакие навыки сражений... даже для... — Он всхлипнул снова, понимая, что сам

выносит себе приговор, но не мог прекратить выдавать информацию. — Даже для самозащиты...

Аргза удовлетворенно кивнул. Все это значило, что, какой бы умной ни становилась его новая маленькая игрушка, эта игрушка никогда не попытается его перехитрить. А значит — не придется постоянно быть начеку.

Затем он, не обращая внимания на закрывшего лицо ладошками мальчика, обратился по коммуникатору, минуя громкую связь, в механический цех. Через несколько минут за дверь послышались тихие шаги.

— Можешь идти, — сказал Аргза чуть мягче. — За дверь тебя ждет наш стажер-механик, он покажет тебе все, что нужно, в том числе и твою комнату.

Нажатием кнопки на стене он открыл дверь. В коридоре обнаружился чумазый светло-рыжий паренек лет пятнадцати, в темно-зеленой спецовке, покрытой пятнами машинного масла. Это был сын главного механика, живущий на корабле почти с самого своего рождения, и Аргза небезосновательно подозревал, что с ним Лиаму будет легче всего найти общий язык.

Мальчишка не пошевелился. Аргза подошел к нему и легонько потрепал по пушистой голове, и на этот раз тот не отшатнулся — видимо, все еще опасался повторной затрещины за непослушание. Только глянул на него, часто-часто моргая, чтобы не разреветься. Рыжий стажер неловко мялся, не решаясь переступить порог.

— Иди, — повторил Аргза повелительно.

Сильвенио опустил взгляд и коротко поклонился. Он и правда быстро учился.

— Да... сир.

Как только дверь за ними закрылась, рыжий сочувственно похлопал его по плечу и сразу же потянул за рукав, утаскивая дальше в глубь коридора. Сильвенио, растерянный и напуганный, безвольно тащился следом.

— Меня зовут Джерри, — представился спутник, пихая его в бок. — А тебя?

— Сильвенио Антэ Лиам...

— Ого! — Его новый знакомый сочувственно качнул головой. — Наверное, тебе жутко надоедает повторять это каждому встречному? Ну, не хмурься так, нормальное имя, бывает и похуже! Можно я буду звать тебя Силь?

— Нет. Меня зовут Сильвенио. Я хотел бы попросить не трогать меня. Мне неприятно.

Джерри покосился на него с обидой, но постоянно пихать, подталкивать в бок и нетерпеливо тянуть за руку перестал. Они свернули в какой-то узкий боковой коридор, в котором уныло перемигивались тусклые лампы.

— И откуда ты такой привереда взялся? А, ну да, ты же из этих, из нелюдей с Эрландераны! Про вас говорят, что вы типа и драться даже не умеете. Пока мы были на этой планетке, все смотрели на нас как-то свысока — ужасно бесило! — вот и ты теперь тоже строишь из себя незнамо что. А я, между прочим, слышал, что вы вообще бесполезный народец... эй, ты чего? Плачешь, что ли, малявка?.. Ну, не реви, не реви давай, а то у нас тут плакс не жалуют...

— Я не плачу.

Он не плакал. Он просто стоял посреди коридора, низко опустив голову и закусив губу. Рыжий подошел и, забывшись, тронул его за плечо, но тут же фыркнул и сам отдернул руку, не дожидаясь напоминания.

— Ладно... чего встал? Пойдем, твоя комната недалеко со всем. Босс, между прочим, одну из самых лучших для тебя выбрал — и не смотри, что тесная, главное, оттуда до тебя не будут доходить ни ругань рабочих, ни их вонь. Потом, если захочешь, покажу тебе остальной корабль.

Комната и впрямь оказалась довольно тесная. Зато на удивление чистая и даже с узкой кроватью, письменным столом и умудрившимся втиснуться в это маленькое пространство пустым шкафом. Сильвенио тоскливо оглядел ее, вспоминая собственную просторную комнату в покинутом доме — с большими светлыми окнами, с хитроумными головоломками, с разрисованными им самим стенами, с дружелюбно ластившимися к нему каждый раз живыми книгами, летающими под потолком. Что ж... похоже, детство его действительно закончилось.

После Джерри устроил ему краткую экскурсию, показав самые важные помещения на корабле — вроде столовой и общей (на несколько сотен человек) душевой. Зрелище это повергло Сильвенио в еще большее уныние, но Джерри, сжалившись, рассказал ему про то, что еду можно выпрашивать в отдельном порядке у главного повара — толстяка с прокуренным голосом и красным от склонности к алкоголизму носом, а мыться — ночью, когда все

остальные рабочие спят без задних ног. Это, впрочем, все равно не слишком обнадеживало, и Сильвенио очень долго и внимательно изучал висевший на стене в кухне запутанный план эвакуации, запоминая до мельчайших подробностей — просто так, не для того, чтобы действительно попытаться сбежать (он помнил про маячок; да и куда бежать, если вокруг космос), а чтобы просто знать, что он, по крайней мере, не запутается в этом лабиринте, если так жестоко пошутившая с ним Судьба однажды милостивится и предоставит ему хотя бы возможность побега.

А потом Джерри по коммуникатору получил приказ доставить Сильвенио обратно к Пауку, и знакомство пришлось прервать. Потоптавшись немного у закрывшейся за Сильвенио двери в кабину, стажер недовольно что-то проворчал и ушел помогать отцу, который решил лично исследовать все, что починили эрландеранцы.

Аргза ждал его с ленивой усмешкой. Его ладонь, будто бы против воли хозяина, снова прошла по синим волосам, и Сильвенио обреченно подумал, что, очевидно, теперь ему придется привыкнуть к непрошеным прикосновениям — вряд ли здесь кто-то будет спрашивать его мнение по этому поводу.

— Ну, мелочь, тебе что-нибудь нужно? В комнату, я имею в виду, — спросил Паук благодушно.

Похоже, привыкнуть придется и к оскорбительным прозвищам. Сильвенио опустил взгляд и едва заметно кивнул.

— Я... я бы хотел немного книг... — и добавил неуверенно: — Пожалуйста?

— Ты удивишься, но на моем варварском корабле и так есть целая библиотека. — Аргза хмыкнул. — Можешь ошиваться там, сколько захочешь — в свободное от работы время. Еще что-нибудь?

Наличие библиотеки дарило надежду. Слово «работа» из уст этого человека — внушало разве что страх.

— Я хотел бы попросить краски... сир.

— О, я не ошибся в твоей скромности! Что ж, будут тебе и краски, мне не жалко. Если что-то еще надумаешь — говори, я посмотрю, действительно ли тебе это нужно. А пока...

Рука Аргзы, протянутая куда-то в сторону, исчезла по самое плечо. Сильвенио узнал так называемую Темную технику — магию, позволявшую сокращать любые расстояния, что-то вроде частичного и полного телепорта: эта магия помогала

пользоваться короткими Путиями, нематериальными тропами реальности, слой которой пролегал прямо над слоем реальности материальной. Для этого важны были два условия: достаточная сосредоточенность мысли и — это главное — детально-точное представление о том месте, куда необходимо попасть. Аргза, видимо, выполнял эти условия с легкостью, потому что, когда его рука появилась снова, в ней уже был зажат какой-то металлический стержень. Сильвению панически посмотрел на раскаленный конец стержня, сделанный в виде какой-то фигуры.

— Вы же не собираетесь...

— Будь умницей и иди сюда.

Мальчик отчаянно замотал головой и отступил к двери. Уперся в нее спиной, кинув беспомощный взгляд на открывающую ее кнопку на стене — ему не хватало роста, чтобы до нее дотянуться. Спасения не было.

— Тихо, малец, ты же не хочешь, чтобы я позвал кого-нибудь, кто будет тебя держать? Я надеялся, что с твоей сообразительностью этого не понадобится.

Спасения не было и — он понял это только теперь — никогда не будет. Аргза был совсем близко, равнодушно усмехаясь, и в его руках издевательски пылал металлический прут. Сильвению закричал даже не тогда, когда его коснулись первые волны боли, а тогда, когда почувствовал жар раскаленного железа возле лица.

С болью, впрочем, ему почти повезло: агония длилась только первые несколько мгновений.

Потом порог допустимой боли превысился во много раз, и он просто потерял сознание, малодушно ускользнув в прохладную тьму забвения.

...Джерри не сталкивался с новичком в течение следующих нескольких дней, и о Сильвении ничего не было слышно. А потом по кораблю прокатилось всеобщее оповещение: Сильвению пропал. Босс отдал приказ его искать. Джерри забеспокоился, хоть и не подал виду: сбежать-то, конечно, у этого мелкого заносчивого пацана не получится, но рано или поздно его все равно найдут, и тогда ему достанется от Аргзы. Младший механик раздраженно вздохнул, наблюдая за лениво отправившейся на поиски охраной: что за проблемная мелочь!

Из вентиляционной трубы послышались странные шорохи. Джерри толкнул решетку, закрывающую трубу, и оттуда на

младшего механика вывалился разыскиваемый всюду Сильвенио. Он дрожал и плакал, закрывая глаз рукой.

— Эй, эй... не реви... Я же говорил — тут у нас не жалуют плак! Ну, малявка, что с тобой опять?

Сильвенио посмотрел на него, убрав руку от лица, — и Джерри невольно содрогнулся. Вокруг правого глаза багровело выжженное на коже страшное клеймо в виде паука. Сам глаз жуткая метка не задевала. Взгляд у мальчика был такой отчаянный, будто он ожидал, что теперь абсолютно все встречные люди будут причинять ему боль. От него пахло лекарствами: похоже, он только-только выбрался из медотсека.

— Клеймо, — выдавил он, глотая слезы. — И ошейник!.. Я теперь... раб! Я должен был стать Хранителем Знаний! Помогать своей планете! Помогать людям! Помогать маме и папе! А теперь я... раб... у пиратов! И у меня даже... — Он затих, и голос его стал совсем беспомощным. — У меня даже шанса на спасение нет... Что мне теперь... делать?

Джерри глубоко вздохнул и присел рядом, прислонившись спиной к холодному металлическому боку топливного бака. Лицо у него было задумчивое и печальное.

— Что делать? — повторил он и невесело усмехнулся. — Привыкать. И желательно — как можно скорее. Ты здесь застрял, чувак. Вероятнее всего — до конца своей жизни, так что... смирись. Клеймо, кстати, есть у каждого на этом корабле.

— У тебя тоже?

— У меня тоже. На плече. — Джерри закатал рукав спецовки, демонстрируя такую же паукообразную отметину. — А ты, к слову, тоже можешь его как-нибудь закрыть, если уж так не хочешь видеть его в зеркале. Скажем, отрасли челку. Боссу-то, в общем, пофиг, видно твое клеймо или нет — он его ставит только для того, чтобы мы не забывали, чья мы собственность. И чтобы об этом знали все, кому вздумается — в случае если нам как-нибудь несказанно повезет — нанять нас на работу следующими.

Сильвенио кивнул, не отвечая. Ему теперь уже было все равно, с чем соглашаться. Джерри, непроизвольно копируя жест Аргзы, потрепал его по волосам.

— Знаешь что... — Джерри потянул его за рукав. — Пойдем. Я покажу тебе кое-что, чтобы ты окончательно убедился, что это все-таки реальность, а не просто кошмарный сон.

Он повел его какими-то окольными путями, и вскоре они вышли к закопченной двери с неразборчивым номером на ней. Дверь вела, как обнаружилось, в необъятных размеров котельную, наполненную людьми.

Здесь было жарко; жар, казалось, расплавлял сам воздух, несущий в себе едкий удушливый дым. Запахи пота, дыма, пара и болезни перемешивались, создавая чудовищный смрад. Оглушительный грохот, бивший по ушам, похоже, здесь был обычным делом — во всяком случае, люди, снующие туда-сюда, не обращали на шум ни малейшего внимания. Где-то что-то надоёдно звенело и свистело, где-то что-то стучало, и среди этого по-прежнему отчетливо можно было разобрать цветистую ругань рабочих, которая, судя по отрывочным громким диалогам, заменяла им здесь нормальную речь. Пол был заплыван и покрыт в несколько слоев какой-то невообразимой дрянью. Несколько десятков человек, грязные с ног до головы, таскали тяжелые тележки с углем в жадно распахнутые пасти огнедышащих печей, явно измотанные к концу дня от этого труда едва ли не до полусмерти: чтобы обеспечить теплом такое большое судно, в котельных работали практически без передышки. Где-то среди рабочих вспыхивали драки, и тогда вмешивались охранники, разгоняя дерущихся дубинками и ругаясь похуже самих рабочих. Сильвению вдруг затошнило от всего этого, и он отшатнулся к стене, пытаясь унять головокружение.

— Добро пожаловать в Ад! — провозгласил Джерри торжественно и мрачно, раскинув руки в стороны в страшном подобии пригласительного жеста.

И, похоже, он вовсе не шутил...

[Запись в бортовом журнале номер МК00012398_01:]

«Пожалуйста, заберите меня отсюда!»

[Запись удалена.]

Глава 2

НЕЗАБУДКА

«Есть поверье, что ангелы, пролетая над землей, роняют на нее голубые цветы, чтобы люди не забывали о Небе. Оттого эти цветы называют незабудками».

*Архивы Старой Земли:
«Легенды о цветах»*

Пальцы быстро бегали по клавиатуре, выводя на экран целые гигабайты данных. Густая челка, со стороны выглядящая почти сплошной непроглядной завесой, на самом деле вовсе не мешала — может быть, он просто привык. Перед глазами строчка за строчкой бегали непонятные непосвященному цифры и команды. Он находил в этом странное успокоение: требовалось только повторять про себя, что цифры эти ничего не значат, что это самый обычный код, что он не делает абсолютно ничего противозаконного... Впрочем, абстрагироваться от реальности получалось с переменным успехом: как ни крути, а взламывание сервера Федерации — не рядовое развлечение. Страшно было другое: какая-то крохотная часть его по-детски радовалась тому уровню, которого он достиг. И, похоже, собиралась идти к новым высотам...

Аргза попытался проследить за мелькающими на экране данными, но в глазах мгновенно зарябило, и пришлось перевести взгляд на обладателя тех самых ловких пальцев, что сейчас с невообразимой скоростью перебирали клавиши.

— Я почти закончил, сир, — сообщил тот равнодушно, чувствуя его взгляд.

Аргза усмехнулся. За шесть лет, проведенных на корабле, Сильвенио ощутимо вырос и стал гораздо спокойнее. И, что самое главное, все шесть лет он приносил бесспорную пользу, каждый день регулируя все системы корабля и выбирая нужные маршруты. Он просчитывал траекторию полета, выискивал информацию про те или иные расы, с которыми они мель-

ком сталкивались, и про их слабые места, составлял отчеты о прибыли с грабежей и расходах на оружие, помогал двигателям выжимать наибольшую мощность, взламывал засекреченные файлы Федерации, — словом, полностью оправдывал свое нахождение на этом корабле. Аргза не уставал думать о том, что тогда, шесть лет назад, он очень удачно подобрал себе нового помощника. Сильвенио тогда отнюдь не солгал, сказав, что может заменить добрую треть его команды.

И вот теперь Аргза сидел в капитанском кресле, а Сильвенио работал. Пират бездумно наблюдал за маячившей периодически перед ним худой спиной, затянутой в плотную темно-серую ткань, и за скользившим по этой спине длинному синему хвосту — Сильвенио отрастил волосы по какому-то из обычаев своей родины, придуманному специально для тех, кто надолго покидал дом. Теперь несколько смежных прядей на затылке были собраны в тонкий хвост, спускавшийся до поясницы, тогда как остальные волосы едва прикрывали уши. Мальчишка стал долговязый, совсем тощий, как будто недокормленный — хотя Аргза строго следил за тем, чтобы его личному умнику хватало всего необходимого для жизни, — но при этом ему как-то удалось избежать обычной подростковой нескладности. Рыжий Джерри, которому недавно исполнился двадцать один, постоянно жаловался Сильвенио на то, что в его возрасте он был прыщавый и неуклюжий.

Вот Сильвенио снова загородил ему экран, переходя к центральной части консоли. Взгляд Аргзы, скользнувший по узким бедрам, был неожиданно темным и задумчивым.

— Сколько тебе лет? — спросил он вдруг.

— Вопрос некорректен, — отозвался тот все так же равнодушно, не отрывая от экрана глаз. — Существуют разные системы отсчета, и следует указать, какую конкретно вы имеете в виду. К примеру, по мерувинской системе отсчета мой возраст можно определить как девяносто шесть тысяч лет. По системе отсчета, принятой у ландэрнов, мне два года. На планете Рюга мне было бы...

— По системе Федерации, Лиам.

— В таком случае, шестнадцать лет, сир.

Аргза ухмыльнулся: шестнадцать — хороший возраст. Его ладонь медленно, изучающе прошлась вверх по худой спине.

— Так ты закончил?

— Теперь да...

Сильвенио прекратил вводить данные и вопросительно глянул на него, обеспокоенно хмурясь, — его прикосновений он по-прежнему не любил, они вызывали у него почти инстинктивную тревогу. Сейчас же, когда взгляд пирата так странно скользил по его телу, горячая ладонь на спине беспокоила еще больше.

— За мной.

Сильвенио послушно последовал за ним, хотя всем своим существом ощущал неладное. Чувство это, надо сказать, только усилилось, когда Аргза привел его к дверям своей спальни.

— Милорд... — попробовал он, наблюдая, как Аргза запирает за ним изнутри дверь. — Могу я узнать, для чего...

— Раздевайся.

Сильвенио застыл. Он посмотрел на Аргзу, скинувшего свою черно-синюю шубу и оставшегося в одних штанах (странная это была привычка — носить шубу на голое тело, даже без рубашки). Посмотрел на огромную, даже больше своего хозяина необъятную кровать со смятыми простынями. И невольно попятился, оперевшись спиной в дверь. Страх быстро распространялся по телу свои отвратительные щупальца, пробежав мурашками по коже и дрожью в коленях: до сих пор Сильвенио удавалось успешно убеждать себя, что он всегда будет нужен пирату исключительно в качестве своеобразного секретаря и информационного архива. По крайней мере, с этой своей участью он еще хоть как-то мог смириться.

— Сир... пожалуйста... могу я уйти?

Аргза сел на кровать и похлопал по месту рядом с собой. Сильвенио сглотнул.

— Раздевайся и иди сюда, что непонятного? Не тормози.

Он не двинулся.

— Сир... я... не надо... Что вам нужно? Если... если вы хотите, чтобы я... с вами... то не надо, прошу! Во-первых, осмелюсь заметить, что по законам моего народа я еще несовершеннолетний, а значит, не могу вступать в подобные отношения. Во-вторых, не могу не напомнить вам о моих... излишне бурных ощущениях. И в-третьих, я... я боюсь вас. Кроме того, то, что вы хотите сделать, скорее всего даже не доставит вам удовольствия. Поэтому... позвольте мне уйти.

Он старался говорить ровно и уверенно, хотя от страха его голос то и дело сбивался. Но Аргзе, судя по всему, плевать было

на все его аргументы. В одну секунду он оказался рядом, прижав его к двери, и снова глаза Паука вдруг стали напоминать две черные дыры, затягивающие в себя все остатки мужества.

— Ты, кажется, забываешься, — прорычал он ему в лицо. — Ты — не гость здесь. Ты мой подчиненный, и ты будешь делать то, что я скажу. И знаешь, ты бы лучше поблагодарил меня — я ведь мог бы отодрать тебя прямо в кабине. Но великодушно решил, что для твоего первого раза постель подойдет больше. Однако я могу и передумать. Прекращай ломаться и проверять мое терпение на прочность. Раздевайся, я хочу на тебя посмотреть.

Паук снова отошел к кровати. Сильвенио, оценив угрозу, с усилием оторвался от двери и на непослушных, негнущихся ногах подошел к пирату, на ходу пытаясь расстегнуть «молнию» на рубашке. Наконец ему это удалось, и, аккуратно повесив ее на ближайший стул, он молча принялся стягивать узкие штаны из такой же темно-серой ткани и невысокие сапожки. Затем, вопросительно посмотрев на Аргзу, после недолгих сомнений стянул и нижнее белье, так же тщательно уложив все на стул. Нагота была ужасно непривычна, учитывая, что эрландеранцам приходилось укрывать одеждой как можно больше участков тела из-за высокой чувствительности кожи. Без одежды, оставшись в одном лишь проклятом ошейнике, сжимающем горло, под изучающим темным взглядом смуглого пирата он чувствовал себя ужасающе незащищенным. Зато Аргза, кажется, остался доволен осмотром.

— Ничего, — хмыкнул пират и резко притянул его к себе, хватив за бедро. — У тебя неплохое тело. Ни язв, ни сыпи, хорошая кожа. Мне подходит.

Пальцы у него были чересчур сильные. Сильвенио прикрыл глаза, поморщившись: у него обязательно останутся синяки. Он обреченно замер.

«Три метра, — подумал он, содрогаясь. — Его рост — три метра. И не похоже, что он собирается хоть как-то обо мне заботиться. Мне будет больно... очень больно... Помоги мне, Эрлана...»

Не открывая глаз, он почувствовал, как его толкнули на кровать, как руки варвара хозяйски прошлись по всей длине его тела, исследуя уже на ощупь. Почувствовал, как его, словно мягкую куклу, приподняли и перевернули, поставив на четвереньки.

«Я спокоен, — внулал себе он, комкая подушку и бессильно утыкаясь в нее лицом. — Я спокоен, и я не боюсь... Да, я совсем не боюсь, я совершенно спокоен, ничто из внешнего мира не может нарушить моего покоя...»

Внушение, надо сказать, почти помогло: Сильвенио знал, что главное — непрерывно повторять про себя эту мантру, как в случае с большинством аспектов его работы, и ни в коем случае не открывать глаза. Правда, он чуть было не сбился с мыслей, когда ощутил холодное масло — Аргза все-таки учел хотя бы это, — но потом холод сразу же исчез, и снова стало так невыносимо горячо, что можно было просто раствориться в волнах раскаленного жара и боли.

О, насчет боли он не ошибся...

Всю оставшуюся ночь Сильвенио беззвучно плакал, отвернувшись от мигом заснувшего пирата.

А утром, когда тот великодушно освободил его на полдня от обязанностей, предупредив при этом, что если он, вернувшись, обнаружит его на этом же месте, то повторит произошедшее ночью, — Сильвенио, цепляясь за стены, кое-как добрал до своей комнаты, сжался на узкой кровати в комок и — уснул.

Через несколько дней Аргза неожиданно объявил, что ему придется пойти с ним на собрание Альянса Пиратов, лидером которого Паук являлся. Сильвенио новость не понравилась: он был убежден, что его туда берут исключительно для того, чтобы лишний раз похвастаться им как новой игрушкой перед такими же жестокими и испорченными братьями по ремеслу, хотя Аргза и сказал, что просто хочет представить на собрании одну свою задумку.

Впрочем, как бы там ни было, а Сильвенио не мог отгородиться от своего любопытства, навязчиво нашептывающего, что хотя бы просто посмотреть на объединение самых известных и самых опасных пиратов было бы весьма познавательно.

К тому же про адмиралов Альянса ходило множество легенд. Когда-то адмиралов было двенадцать, и — Сильвенио тогда еще очень удивился, когда нашел эту старую информацию, — Аргзы Грэна среди них не числилось. Зато числился его двоюродный брат, по кличке Черное Руно, который и собрал вокруг себя пиратов, больше всего отличившихся в минувшей тогда большой войне против признания Федерации единым источником закона. Двенадцать капитанов (позже приобретших статус адмира-

лов) назвались в честь двенадцати знаков зодиака, память о которых сохранилась еще со времен давным-давно уничтоженной Старой Земли, и создали взаимовыгодный союз, до дрожи напугавший кое-как выигравшую войну Федерацию. Но просуществовал могущественный союз недолго — что-то произошло (ни в одном источнике не упоминалось, что именно), и Альянс потерпел крах: Близнецы разорвали свой договор и отделились от союза, убив трех из двенадцати капитанов, и одновременно загадочным образом пропал сам Черное Руно, а его место лидера занял вовремя сообразивший свою выгоду Паук. Правда, позже Пауку удалось объединить оставшихся семерых капитанов заново, но доверием внутри союза больше и не пахло: каждый теперь ждал, что от соратника в любой момент можно схлопотать нож в спину. Эта подозрительная осторожность убила всю сплоченность. По крайней мере, в официальных источниках некоторые смело заявляли, что Альянс уже не обретет былой мощи.

Местом проведения собрания, как и всегда, был назначен корабль Паука. Какое-то время Сильвенио зачарованно наблюдал в окно за тем, как со всех сторон их окружают многочисленные корабли союзников. Самых разных форм, цветов и размеров, они создавали, надо сказать, впечатление какой-то величественности, но почему-то гнетущей. Кто-то прилетел только на своем корабле — Сильвенио заметил даже пару одиночных истребителей, почти гоночных, — а кто-то явился в окружении целой стаи кораблей поменьше, явно не просто дружественных, а входящих в подчинение к капитану главного судна. Собрание вообще-то проводилось примерно раз в несколько лет, и Сильвенио видел все эти корабли регулярно, но зрелище их прибытия каждый раз его завораживало. На самом собрании он, впрочем, никогда еще не был, а потому, ступив в конференц-зал вслед за Аргзой, с невольным интересом оглядел собравшихся адмиралов.

Справа от Аргзы, расположившегося во главе стола, сидела женщина в красных доспехах, сразу же цеплявшая взгляд: у нее были очень яркие янтарные глаза, глядевшие на всех с каким-то извечным вызовом, меч за поясом, тонкая красная кольчуга, сплетенная на самом деле из прочнейшей акариновой стали, и рыжие, коротко стриженные волосы, только на затылке опускавшиеся до плеч неровно обрезанными прядями. Рыжина ее,

однако, отличалась от рыжины конопатого Джерри — если у механика цвет волос был сравним с медом и осенними листьями, то волосы этой женщины горели настоящим лесным пожаром. В этой ее рыжине, как и во всем ее облике, чувствовалось нечто острое, режущее глаз, мятежное, болезненно-яркое. Сильвению узнал ее сразу: имя Красного Скорпиона Хенны было сейчас в мире пиратов на слуху ничуть не меньше, чем имя Паука.

Дальнейшие лица он опознал в основном по сохранившимся в его памяти листовкам с наградами. Мужчина в рогатом фиолетовом шлеме, весь в пирсинге и шипах, с разрисованным какой-то боевой раскраской лицом и двумя сделанными на древний манер катанами за спиной, сидевший напротив Красного Скорпиона, был известен как Сайго Крэйен, Ядовитый Рог. Слева от него — худой жилистый мужчина с волосами цвета спелой вишни, непокорно вздымающимися против всяких законов физики вверх и одновременно закрывающими почти все его лицо, за исключением острого подбородка и кривого красного рта, одетый во все обтягивающее, абсолютно несочетаемых кричащих цветов — Стрелок, настоящего имени которого никто не знал. У этих двоих не было собственного флота в отличие от всех остальных здесь присутствующих, но их истребители в бою были незаменимы. Напротив Стрелка расположилась весьма странная парочка: мужчина, всем своим видом напоминающий старых морских пиратов из незапамятных времен, когда это ремесло еще было сказкой, — бронзовый загар, серьга в ухе, простой кожаный жилет, распахнутый на груди, свободно разлохмаченная грива светло-русых волос, желтые когтистые перчатки, — и голубокожая хрупкая амфибия с характерными жабрами за ушами, сидевшая у него на коленях. Трокс, Тихий Лев, и его возлюбленная Мирта по прозвищу Рыбка, командовавшая флотом амфибий (их шаровидные корабли, доверху наполненные водой, Сильвению сегодня увидел в числе первых) и потому такая нужная Альянсу. Сейчас, правда, у Мирты вместо рыбьего хвоста были обычные человеческие ноги. Про Трокса же ходили слухи, будто бы он когда-то был едва ли не самым грозным членом Альянса, его флотилия считалась непобедимой, но затем он как-то раз встретил Мирту, и с тех пор заделался заядлым пацифистом — то есть он все еще мог сокрушить практически любого врага, если хотел, но делал это только в тех случаях, когда враг напал на непо-

средственно на его собственный корабль первым или атаковал флотилию Рыбки.

Последние двое, разместившиеся в самом дальнем конце стола, — Юнба Шимеи, Весы Правосудия, и приобнимавший ее за плечи Водолей, имя которого в листовке значилось самым длинным — Эйритем Мириам Де Швальц Пирметто Тахени. И если Водолей, несмотря на то что являлся незаконно-рожденным принцем планеты Кьелен — отсюда и нежные руки, усеянные кольцами и браслетами, и инфантильный надменный взгляд, и одежда из чистого шелка, — все-таки обладал довольно мощным флотом и имел вполне пиратские амбиции, то причина вступления в Альянс Юнбы, представительницы почти вымершего загадочного народа с потрясающими способностями к ясновидению, оставалась для всех тайной за семью печатями. Обычно ее корабли, как и корабли Блинецов, возникали словно бы из ниоткуда — и так же в никуда исчезали, появляясь там, где силы Федерации могли уничтожить какой-нибудь одиночный пиратский корабль, и помогали последним хранить хрупкое равновесие против служителей закона. Но при этом в другое время Весы Правосудия не появлялась вообще, и разыскать ее было почти невозможно. Сильвенио разглядывал ее дольше других: самая низкая здесь, большеглазая, с короткими вьющимися волосами цвета светлого металла, в длинной серой тунике и коротких зеленых штанах, она была похожа одновременно и на девочку, и на красивого мальчика, и пол ее можно было опознать разве что по титулу «принцесса», значившемуся в архивах напротив имени. Возможно, из-за одного этого титула Водолей и испытывал к ней такую очевидную благосклонность.

— Что застыл? — позвал его Аргза недовольно, отвлекая от мыслей. — Успеешь еще поглазеть, а сейчас иди сюда, тебя ждем. Кстати, — обратился он уже к собравшимся. — Это Лиам. Я про него рассказывал. Немного тормоз, зато весьма полезный. И я надеюсь, что он сейчас наглядно продемонстрирует свою пользу, рассказав нам всем кое-что интересное.

Уловив намек, Сильвенио вздохнул и все-таки подошел к нему. Под выжидающими взглядами собравшихся пиратов он начал говорить о новых оружейных разработках, которые Паук недавно достал, и о том, как можно избегать встреч с правительственными кораблями, загружая в систему управления созданную им программу. Этой программой он совсем не гордился, и

не только потому, что она служила отнюдь не благим целям, — программа была еще не доработана, а недоработок он не любил, но Аргза сказал накануне, что и этого пока хватит.

— Как я уже сказал, это не гарантия, и я могу предложить...

Он резко замолк, ощутив, как рука сидевшего рядом Аргзы недвусмысленно коснулась его бедра. Он оглянулся и попытался отойти, но пальцы варвара тут же грубо сжали его ягодицы. Сильвенио подумал, что, будь у него в организме чуть больше нормальной красной крови, то он бы сейчас покраснел вплоть до кончиков волос.

— Сир... — прошептал он испуганно. — Что вы делаете?

Аргза не ответил, препогано ухмыльнувшись:

— Продолжай доклад, Лиам.

Сильвенио сглотнул и снова повернулся к собравшимся, стараясь не смотреть им в глаза. Он уже уяснил, что с Пауком лучше не спорить, иначе любая попытка может стать в разы хуже.

— Я предлагаю... использовать такую систему, которая... Сир, пожалуйста, перестаньте!

Аргза уже оттягивал ткань его брюк, спускаясь все ниже и ниже. Сильвенио раз за разом пытался продолжить доклад, но все равно сбивался, и приходилось начинать сначала. Для него, до десяти лет росшего среди убеждений, что личная жизнь каждого — дело глубоко интимное и на людях невежливо даже целоваться, эта выходка варвара вылилась в настоящий кошмар наяву. Ему казалось, что лучше бы он немедленно провалился сквозь землю, исчез, испарился от стыда. Когда же Аргза совсем потерял всяческие понятия о приличиях, Сильвенио едва сумел подавить крик. Он продолжал пытаться все еще что-то сказать, хотя и понимал, что представляет собой невыносимо жалкое зрелище — вцепившийся в край стола до побелевших костяшек пальцев, хватающий ртом воздух, давящийся собственными словами и при этом — не смеющий даже возразить из опасения сделать хуже. Хотя, казалось бы, куда уж хуже, но Сильвенио был научен горьким опытом.

Совершенно отчаявшись, он все-таки решился посмотреть на остальных адмиралов, надеясь, что кто-нибудь из них наконец прекратит это безобразие. И ужаснулся.

Красный Скорпион хмурилась и критически осматривала мятины на своих доспехах. Ядовитый Рог скучающе протирали катану платком. Стрелок — тот и вовсе откровенно кривил

рот в нехорошей, похотливой усмешке; пожалуй, хорошо даже, что из-за густой красной челки нельзя было увидеть его глаза. Трокс и Мирта, занятые влюбленным воркованием друг с другом, вообще ничего вокруг не замечали, их мир состоял только из них двоих. Весы и Водолей просто смотрели, и в их глазах не читалось абсолютно ничего — ни сочувствия, ни интереса, ни даже скуки. Им всем было абсолютно все равно, что на их глазах фактически насильовали шестнадцатилетнего мальчишку, и Сильвению подумал мельком, что вряд ли кто-нибудь из них вообще его слушал.

Слезы затопили его глаза, и он, прекратив все попытки связно говорить, просто уронил голову на грудь и зажмурился, не в силах это выносить.

Но оказалось, что все-таки не все здесь заражены этим проклятым равнодушием.

— Аргза! — Красный Скорпион яростно вскочила со своего места, едва не опрокинув кресло. — Кончай издеваться над пацаненком! Мы здесь собрались не для того, чтобы смотреть на твои извращения! Не трать мое время, черт бы тебя побрал!

— О? — в голосе Аргзы слышалась насмешка. — Что я вижу? У нашей валькирии проснулся нежданно-негаданно материнский инстинкт?

Воительница пнула свое кресло, и оно улетело в другой конец комнаты. Янтарные глаза ее сверкали, колючий ежик рыжих волос будто бы ощерился еще больше.

— Не зарывайся, Аргза! Повторяю еще раз, если ты оглох: не трать мое время! Мои солдаты сейчас штурмуют семьдесят вторую базу гребаной Федерации, и я, как их командир, должна быть сейчас с ними, а вместо этого я, заметь, торчу тут, вынужденная наблюдать твоё дебильное шоу! С меня хватит!

— Семьдесят вторая база — полупустые развалины. Все, что там есть на данный момент, — это вышедшие из строя автоматические пушки и кучка разленившихся солдат. Твой штурмовой отряд прекрасно справится и без тебя, если, конечно, ты не набрала каких-нибудь неопытных дохляков, Хенна.

Руку он, однако, убрал, и Сильвению уже за это был благодарен своей злой судьбе.

— Я знаю, что они справятся! Но я их командир! А потому — я ухожу, Аргза. Уж лучше я буду смотреть, как мои парни рушат базу Федерации, чем на тебя и на твоего сопляка.

Она направилась к двери, рассерженно топая. Однако по пути она вдруг остановилась, словно бы вспомнив о чем-то, и приблизилась к Сильвению, чтобы резко встряхнуть его за плечи, заставляя посмотреть на нее.

— А ты, пацан, послушай меня. — Он покорно поднял взгляд и посмотрел в ее ясные, решительные глаза, похожие на два миниатюрных солнца. — То, что ты позволяешь себе демонстрировать свою слабость при посторонних, не делает тебе чести. Ты этим только раздражаешь. Я не знаю, где ты жил и чем занимался до того, как попал к Пауку, но теперь это не имеет значения: ты теперь числишься в рядах пиратов, и здесь твои сопли не помогут. Если хочешь выжить в этом мире, ты никогда, ни при каких обстоятельствах не должен позволять другим видеть свои слезы. Если хочешь — уходи и хнычь в одиночестве, но не при чужих. Для таких ублюдков, как он, — она с презрением кивнула на насмешливо наблюдавшего за ними Аргзу, — твоя слабость — только лишний повод повеселиться. Ты меня понял?

Сильвению кивнул, всхлипнув в последний раз. Он смотрел на нее — яркую, красно-рыжую, воинственную. Сильную. И понимал, что она права: если он будет плакать, никто не станет принимать его всерьез.

— Да, — сказал он. — Я понял. Благодарю вас, леди.

— Эй, Хенна, — тут же хмыкнул Аргза. — Ты сегодня на редкость многословна. Не знал, что у тебя бывает настроение читать морали.

Она фыркнула, распрямляясь, и показала ему средний палец.

— Пошел на хер, Паук.

Красный Скорпион вышла из конференц-зала, не попрощавшись ни с кем, широким, размашистым шагом. Сильвению уловил еще по своей привычке замечать любую мелочь, что походка у нее совсем не женская — без единого намека на кокетство, тяжелая и уверенная, военная.

Это была Хенна, самая удивительная женщина в его жизни.

После ухода Скорпиона остаток собрания прошел как-то смазанно. Аргза больше к нему не лез и позволил закончить доклад, который, впрочем, все равно ни на кого не произвел впечатления. И лишь одно событие еще имело значение для Сильвению: после собрания к нему подошла Юмба.

— Ты хочешь спросить нас, почему мы присоединились к пиратам, — произнесла она уверенно.

Сильвенио кивнул, не удивляясь, — о способностях этого народа к предвидению он был уже слышан, как и о том, что они в разговорах никогда не говорят от первого лица. Всегда только «мы», всегда только «наше», как будто весь народ — единое целое. Аргза, проходивший мимо, заинтересованно остановился, положив руки сзади на плечи Сильвенио: ему тоже было интересно послушать Весы.

— Мы здесь, чтобы наблюдать. Нам наскучило сохранять нейтралитет, потому что близятся большие перемены, которые коснутся всего мира. И мы бы хотели быть ближе к эпицентру этих перемен, одним из которых являешься ты, Сильвенио Антэ Лиам.

— Я? Но почему?

Юнба помолчала. После пылающих глаз Хенны глаза этого существа холодного зеленого оттенка казались Сильвенио какими-то чересчур пустыми и тусклыми.

— Мы видели все возможные концовки, — пояснила она наконец. — Но только две из них затронут всю Вселенную. Один конец означает уничтожение мира как такового. Другой приведет к бесконечной и безжалостной войне, которая в итоге приведет к его полному разрушению. Мы не можем раскрыть тебе пока, к какому из этих вариантов ты имеешь непосредственное отношение, как и то, каким образом все это произойдет. Но сегодня мы хотим сказать, что рады познакомиться с тобой лично, Сильвенио Антэ Лиам.

— Но... вы ошибаетесь... я никогда не сделаю ничего, что может принести вред — тем более в таких масштабах...

— Мы никогда не ошибаемся, Сильвенио Антэ Лиам. До встречи.

С этими словами она покинула зал, уведя за собой безмолвного Водолея, липнувшего к ней наподобие пиявки. Затем и Аргза потянул потрясенно застывшего Сильвенио в коридор, и собрание можно было считать оконченным.

Этим же вечером, когда корабли союзников отбыли, он пришел к проверяющему двигатели Джерри и долгое время молча сидел рядом с ним на полу, находя успокоение в одном только присутствии друга рядом. За эти пять лет у него, кажется, так и не появилось никого ближе конопатого механика.

— На тебе лица нет, — заметил Джерри, пронизательно глянув на него. — Что, собрание Альянса прошло настолько паршиво? Кстати, адмирал Хенна — действительно такая знойная, как о ней говорят?

Сильвенио качнул головой: собрание, разумеется, прошло ужасно — в основном из-за кошмарной выходки Аргзы, но короткий миг общения с Хенной и загадочное предсказание Юнбы (пусть и мрачное, зато весьма любопытное) почти это компенсировали.

— Я не совсем уверен, что правильно понимаю значение термина «знойная», и не могу сказать, как этот термин соотносится с леди Хенной. Что же касается собрания... нет, не в этом дело. Мне просто не хочется... идти спать. Господин Аргза может ждать...

Джерри нахмурился, вытирая ближайшей тряпкой испачканные чем-то черным руки. Взгляд товарища ему не нравился.

— Что он с тобой опять сделал?

Сильвенио вспыхнул. Он все не решался рассказать механику о том, что ввязался теперь в такие постыдные отношения — пусть и без своего согласия. С одной стороны, негоже посвящать кого-либо в подобные дела, а с другой — Джерри всегда его поддерживал. Впрочем, вопрос был задан, и не ответить он в любом случае просто не мог.

— Шесть дней назад он... привел меня к себе в спальню и...

— Понятно, можешь не продолжать. — Тот вздохнул и присел рядом. — Ничего не поделаешь. Он... ну... со всеми приглянувшимися это делает, короче. Женщин на корабле приличных нет, сам понимаешь, а те, что есть, — замужем за рабочими и страшные, как смерть, от такого существования. А подчиненные вроде как всегда под рукой, и за ними не надо лететь на какую-нибудь планету и платить не надо за... услуги. Я, правда, надеялся, что тебя-то он не тронет, потому что ты же у нас не просто там обычный работник — на тебе весь корабль держится фактически, да и личный комфорт босса тоже. Но, видимо, ему все-таки пофиг на твою полезность. Сочувствую.

Сильвенио вздрогнул:

— И... с тобой он тоже?..

— Угу. И меня тоже никто не спрашивал. Так что не переживай так, ладно? Рано или поздно ты ему в этом качестве понадобишься, и он перестанет тебя мучить.

Перспектива была почти что обнадеживающей. Хоть что-то, подумалось ему. Он позволил себе даже помечтать немного, что однажды он перестанет быть варвару полезным и в плане остальной работы тоже: тогда, вероятно, его отпустят домой и...

Да нет, скорее всего его просто убьют. Сильвенио знал это слишком хорошо. Он вздохнул.

— Не вздыхай тут, малявка, — буркнул механик, вдруг нахмурившись и поднявшись на ноги. — Лучше помоги мне.

— А? Конечно, что нужно сделать? — Он поднялся следом, вопросительно посмотрев на друга.

— У нас топливо кончится через три дня. Если я скажу об этом боссу сам, он в меня сразу швырнет что потяжелее — и ведь попадет, сволочь.

— Но почему? Мы же в торговой зоне, здесь можно достать топливо в любой момент...

Джерри раздраженно махнул в его сторону полотенцем и направился вдаль по коридору в направлении кабины управления. Сильвенио шел за ним, недоумевая.

— Ага, можно-то можно, да только это если тебе надо обычное топливо. А наш босс считает себя таким уникамом и топливом пользуется только специальным, чтобы двигатели могли работать всегда на полную мощность и при этом не изнашиваться. Но дело теперь не только в его причудах: после стольких лет двигатели больше ни на чем другом и не работают. Ты разве не знал? А, ну да, ты ведь у нас «белый воротничок», в грязный цех и носа не сунешь без необходимости... Так вот: для достижения нужного результата топливо у нас используется только вместе со специфичной добавкой, которую мы закупаем у одной ведьмы. В отличие от самого топлива эта добавка расходуется очень медленно, потому что там всего-то полщепотки на целый бак надо, поэтому ты, наверное, и не участвовал пока в этом. Но ведьма живет у черта на куличках, так что...

— Ну, хорошо, я понял — сообщать о том, что запасы подходят к концу, надо как можно раньше. Но я по-прежнему не понимаю, чем могу тебе помочь.

— Очень просто. Ты скажешь это боссу вместо меня.

— А ты не думаешь, что в меня он тоже может что-нибудь швырнуть?

Джерри уставился на него, как на идиота.

— В тебя-то? Да босс с тебя чуть ли пылинки не сдувает! Не замечал, что ли? У тебя же на корабле самые лучшие условия после босса! Комната отдельная и практически со всеми удобствами, качественная одежда, подогнанная под твой размер, десятичасовой — а не восемнадцати! — рабочий день, не нормированное питание — ты хоть знал, что остальные тут вообще на кухню больше двух раз в день заходить не могут? — и к тому же он тебя почти не бьет. А если и бьет, то даже тогда явно щадит. Улавливаешь, друг мой? Если мне он за запоздалое сообщение о топливе разобьет башку об стену, то ты отделаешься легким упреком. Блин, спорим, он и трахал тебя со смазкой, а не насухо!

Сильвенио удивленно замолк: он и не подозревал, что ему еще так повезло относительно других рабочих. Интересно, с чего такое особое к нему отношение? Не из-за его же ума...

Новость из его уст Аргза воспринял действительно спокойнее, чем можно было ожидать. Правда, Джерри все равно досталась смачная оплеуха — настоящего виновного в опоздании сообщения Аргза просек быстро.

— Придется лететь прямо сейчас, даже если сожжем все топливо, — задумчиво проговорил пират, выставляя Джерри за дверь.

Сильвенио проводил механика печальным взглядом, но ничего не сказал, когда Аргза, мимолетно погладив кончиками пальцев его шею, ухватил за плечо и потащил к другому коридору, ведущему к его спальне.

Закрывать глаза и просто покориться чужой воле и на этот раз оказалось самым мудрым решением.

Но, помня слова Хенны, Сильвенио больше не плакал, и уже это было достижением.

* * *

Через три дня, когда они подлетели к какой-то заброшенной крохотной планетке, на главном экране возникло лицо неприятной на вид старухи, напоминавшее высушенную до капли сливу. Увидев Аргзу, она хитро улыбнулась почти беззубым ртом.

— О, Паук! — обрадовалась она. — Сколько лет, сколько зим, сколько весен!

— Да-да, Крига, и тебе здравствуй. Давай сразу к делу. Я, как обычно, за товаром. Все сжег по пути сюда, так что давай-ка без долгих приветствий.

Старуха расхохоталась каким-то каркающим, хриплым смехом. Сильвенио от него едва заметно передернуло: в детстве ему никто не читал сказок про страшных ведьм (это считалось непедagogичным), но позже ему хватило смелости немного почитать такие сказки самому.

— Что, и даже не поговоришь с бедной старушкой, хитрый Паучок? — Она все еще смеялась, но глаза у нее были холодные и расчетливые, как у хищной птицы. — Ай-ай, все сейчас спешат, все суетятся, никто и слова доброго не молвит...

— Крига. — Ее кривляния произвели эффект: Аргза улыбнулся, но голос его звучал предупреждающе.

Больше ничего говорить не понадобилось — Крига перестала разыгрывать из себя несчастную добродушную бабушку, и улыбка ее сразу стала какой-то кривой и такой же хищной, как и ее взгляд.

— Плата, как всегда? — спросила она быстро.

— Разумеется. Я пошлю к тебе кого-нибудь из младших рабочих.

— Нет. Я выбираю мальчишку, который стоит рядом с тобой.

Аргза, до того веселый и непринужденный, разом напрягся. Сильвенио вздрогнул повторно, почувствовав на себе цепкий, пронизывающий насквозь взгляд старухи, пробирающий даже через видеоканал.

— Послушай, — сказал Паук уже с гораздо большей угрозой и с гораздо меньшим дружелюбием. — У меня нет времени и настроения на твои капризы, Крига. Я сказал, что пошлю кого-то из младших рабочих, а не своего личного помощника. И я не сказал, что предоставляю тебе выбор.

— На нет и суда нет, Паучок. — Старуха снова неприятно рассмеялась. — Ты, конечно же, помнишь, что у моей маленькой планетки система защиты такая, что может уничтожить даже твой боевой корабль, если вздумаешь напасть? Помнишь ведь и то, что без моего топлива ты никуда отсюда не улетишь? Вот и отлично. Передумаешь — я на связи.

Аргза смачно выругался.

— Черт с тобой! Лиам пойдет к тебе. Но клянусь, если ты...

— Вот и договорились, Паук! — И она, не дожидаясь, пока тот договорит, отключила связь.

Аргза резко помрачнел. С минуту он не произносил ни слова, и это молчание встревожило Сильвенио, которого помимо его воли, похоже, подписали на что-то опасное. Он осторожно коснулся плеча пирата, обращая на себя его внимание:

— Что я должен сделать, сир?

— Пошли. На месте узнаешь.

Аргза поднялся из кресла и молча куда-то пошел. Сильвенио, вздохнув, направился за ним. Они дошли до экстренного телепорта, откуда можно было связываться исключительно с такими же телепортами во избежание того, чтобы оказаться в открытом космосе — Темную технику Аргза мог использовать только для себя, да он никогда и не был лично в этом месте назначения. Сильвенио хотел шагнуть в телепортационный круг, уже смирившись, что ему не собираются ничего объяснять, но Аргза, до этого не произнесший ни слова, вдруг сильно, резко схватил его за плечо, наклоняясь к нему так, чтобы смотреть в глаза.

— Сир... мне больно... не могли бы вы...

— Слушай меня внимательно, Лиам. — Взгляд Паука был какой-то странный, неопределимый. — Эта ведьма обожает, когда к ней приходят какие-нибудь малолетние курьеры. Когда я дам сигнал, ты окажешься внизу, и от того места, где ты будешь, до ее дома идти строго на запад часа два-три — это единственная ближайшая постройка в округе. Там отдашь ей это. — Он вручил ему раздобытый в недавнем грабеже какой-то артефакт. — И возьмешь два мешка с товаром — это основная задача. На деле же... на деле же Крига пока вернула мне только двух из пятидесяти посланных к ней в разное время подчиненных. Не знаю, что она с ними делает, и знать не хочу. До сих пор мне было на это совершенно похрен. Однако на этот раз она запросила кое-что поценнее обычного служащего. Я намерен вернуть тебя оттуда во что бы то ни стало, ты меня понял? Ты должен запомнить: зови меня на помощь, если что случится. Ты ведь уже хорошо владеешь телепатической связью?

Сильвенио, которого завуалированно называли «ценной вещью», безразлично кивнул:

— Да, сир. Я вполне способен открыть для вас двусторонний мысленный канал.

Аргза чуть усмехнулся одобрительно и наконец отпустил его руку, наверняка снова оставив внушительные синяки. У Сильвенио осталось привычное уже ощущение того, что его плечо побывало в железных тисках. Но потом варвар зачем-то осторожно, ласково погладил его по волосам, как любимого домашнего питомца, и взгляд его стал еще более странным.

— Хорошо. Тогда можешь идти. Помни, что я приду на помощь сразу же, если ты позовешь. Непременно приду, ясно?

Честно говоря, Сильвенио вовсе не думал, что когда-либо станет звать этого человека на помощь, но его слова на всякий случай принял к сведению.

Это была третья важная фраза в его жизни, которую он решил воспринимать как непреложную истину. Первой из них было указание леди Хенны про слезы и слабость. Второй — предсказание Юнбы. И вот теперь третьей была эта нехитрая аксиома: если с ним случится что-то плохое, нужно звать на помощь Аргзу Грэна, своего хозяина. По крайней мере, до тех пор, пока он будет для этого хозяина полезным...

Телепорт переместил его в безлюдную степь, сплошь покрытую жесткой желтой травой. Сильвенио долго стоял, пользуясь редкой возможностью побыть в одиночестве, и какое-то время просто бездумно смотрел на синеющее в вышине небо, задрав голову. Он пытался разглядеть в этой ослепительно-яркой безмятежной синеве корабль Паука, но не разглядел даже черной точки — слишком далеко. Потом шея окончательно затекла, и только тогда он наконец сдвинулся с места, вдруг вспомнив о встроенном в ошейник маячке и о нетерпении Аргзы.

Полуразвалившуюся хижину он нашел в указанном направлении сразу же: вокруг и правда не видно было никаких других строений. Крига — низкая, скрюченная, одетая в какие-то драные неопределенного цвета лохмотья — встретила его у порога с явным неудовольствием, будто действительно давно его ждала, и без всяких слов затащила внутрь. Никак не отреагировав на его церемонные приветствия, принялась что-то готовить, отвернувшись спиной и не особенно любезно указав ему на лавочку за покосившимся столом. Ему ничего не оставалось, кроме как сесть туда и молча ждать своей участи.

В прочитанных им сказках у таких злобных ведьм в доме обязательно хранились всякие жуткие вещи: засушенные го-

ловы, человеческие глаза в банках, отрубленные конечности животных и прочее. Однако, оглядевшись, здесь Сильвенио видел только связки каких-то ароматных трав и несколько рваных тряпиц, и оттого ему становилось даже более дискомфортно: уютный домишко в деревенском стиле никак не желал увязываться в его голове с образом страшной колдуньи, которая куда-то девала сорок восемь молодых рабочих и угрожала Пауку уничтожить его корабль. Неизвестность томила, он был готов уже практически к чему угодно, когда шел сюда, — но явно не к тому, что его посадят и будут игнорировать. Ведьма же, очевидно, догадывалась о том, что неизвестность всегда разьедала гораздо хуже самых неутешительных результатов, потому обращать свое внимание на гостя она явно не спешила.

— Пожалуйста, не убивайте меня, — сказал он вдруг, не выдержав. — Я не хочу умирать.

Старуха вдруг неожиданно развернулась к нему, пронизательно прищурившись:

— Значит, твоя жизнь тебя вполне устраивает, маленький слуга большого Паучка?

Сильвенио задумался. Разумеется, его не устраивало существующее положение вещей, его не устраивало абсолютно ничего из того, что с ним произошло за последние шесть лет, включая сам момент похищения. Его не устраивало и то, что с каждым днем он становился все больше равнодушен к собственной жизни, научившись смиряться с любыми ее поворотами.

— Нет, — ответил он тихо. — Мне совсем не нравится быть слугой. Но умирать я все равно не хочу.

— А чего тогда хочешь?

Он моргнул:

— Пожалуйста, уточните свой вопрос.

Старуха глядела на него неотрывно, по-прежнему шурясь, будто бы пробегая взглядом по самой его душе и визнавая все его тайны. Но у него не было никаких тайн, и в этом она здорово просчиталась.

— Представь, что я могу исполнить любое твоё желание. Чего бы ты пожелал, мальчик? Может быть, денег столько, чтобы купить весь мир и никогда больше не знать той беды, в которую ты попал?

— Нет.

— Может быть, ты пожелал бы такого зелья, которое мигом бы убрало из памяти все плохие воспоминания и ощущения?

Он на мгновение задумался, а потом так же решительно замотал головой:

— Нет.

— Тогда, может быть, ты пожелал бы мести? Мести тому, кто сделал тебя своим рабом? Власти над ним?

— Нет. Я не хочу этого. Мечь — слово не из моего языка. Мой народ... не мстит. И не добивается власти.

Старуха усмехнулась, и, кажется, взгляд ее стал несколько озадаченным.

— Удивительно, что ты все еще помнишь заветы своего народа после всей той грязи, в которую наш Паучок тебя окунул, мальчик... Но чего же ты тогда хочешь?

Он посмотрел на нее — замученно и устало. Все мышцы в теле болели после сегодняшней ночи, которую Аргза опять заставил провести в его постели. Болела и душа. Сильвенио сделал глубокий вдох и на медленном выдохе отчаянно закрыл лицо руками.

— Покоя, — проговорил он с безысходностью. — Я пожелал бы покоя. И вернуться домой... да, домой... Мне больше ничего не нужно...

И тогда Крига поставила перед ним на стол... стакан молока. Свежего, судя по запаху и виду, притом что в округе не водилось ни одного млекопитающего. На удивленно-вопросительный взгляд Сильвенио она только усмехнулась и кивнула на молоко:

— Выпей это, мальчик. Ты терзался тайной, куда подевались предыдущие посланники Паука, и вот решение этой тайны: это молоко я давала всем его курьерам, а потом они засыпали и видели во сне то, чего больше всего в жизни желали — с той оговоркой, что потом получали во сне все, что честно заслужили. Сорок восемь твоих предшественников умерли, не просыпаясь, и смерть тридцати из них была довольно мучительной. Пей, и ты тоже получишь, что заслужил. Не бойся старой ворчливой Криги.

Сильвенио выпил, и его мгновенно потянуло в сон. Последняя его мысль была о том, что Вселенная, похоже, до сих пор полна поистине изумительных неизведанных уголков...

...Аргза собирался уже пойти к ведьме лично, наплевав на всевозможные последствия. Лиама не было слишком, слишком

долго, и неясная тревога уже ощутимо царапала где-то под ребрами. Мальчишку терять сейчас совершенно не хотелось. Аргза даже позволил себе признаться, что причина этого крылась не только в несомненной выгоде, которую он приносил. В чем еще, Аргза не знал и словами сформулировать для себя даже не пытался: это все равно бесполезное занятие. Но желание сохранить при себе мальчишку любой ценой от этого нисколько не уменьшалось.

И вот тогда, когда он уже опасно близок был к тому, чтобы идти на посадку, Сильвенио возник прямо на полу кабины, укрытый какой-то ободранной шалью и в обнимку с двумя мешками нужного для топлива химического порошка. Он спал, свернувшись клубком вокруг мешков, и улыбался сквозь сон до того безмятежно и счастливо, что Аргза почему-то не решился его будить. Никогда в жизни он не страдал ничем, даже отдаленно напоминающим нерешительность, но теперь, когда хрупкий синеволосый подросток лежал перед ним и улыбался сквозь сон, он определенно познал это явление на себе. Черт его знает, почему улыбка Сильвенио так ему понравилась, почему ему вообще было хоть какое-то дело до этого малолетнего слабака с планеты надменных и заносчивых чудаков, считающих себя умнее всех на свете, — однако он не только не разбудил его, но и аккуратно перенес на кровать. На свою — чтобы не искать к ночи.

Самому Аргзе Грэну, грозному варвару, лидеру Альянса Пиратов, главнокомандующему огромным флотом Паука, сны не снились никогда.

[Запись в бортовом журнале номер МК0JU1276 _34:]

«Мама, папа... Не волнуйтесь там за меня, ладно? Я не скажу, что у меня все хорошо, — у меня все плохо. Но я жив, жив и все еще могу надеяться на лучшее. А это главное».

[Запись удалена.]

Глава 3 ВАСИЛЕК

«Такой подарок может означать предложение дружбы или желание возобновить прерванное знакомство».

*Архивы Старой Земли:
«Язык цветов»*

Эрлана, святая мать Эрлана, горела. Апельсиново-оранжевое небо сделалось совершенно черным от закрывшего его дыма, нежные переливы изумрудной травы превратились в море безжалостного пламени, пожирающего плодородную землю. Леса, чудесные девственные леса кричали от боли, корчились в агонии каждое дерево, и жители Эрланы (Эрландераны, как называли ее невежественные пришельцы) всем сердцем ощущали боль своей планеты.

Мама взяла его за руку, и ее красивые сине-зеленые глаза были полны слез. В свете красного зарева, приближающегося с каждой минутой к их дому, лицо мамы казалось отлитым из тонкой акариновой стали. Зеленые кудри отца в этом свете приобрели ядовито-желтый оттенок. Сильвенио было снова десять, и он в отличие от родителей, которые пытались остановить огонь непрекращающимися заклинаниями, абсолютно ничего не мог поделать. Он только стоял и смотрел на окружающее их со всех сторон пламя, в одной руке сжимая ладонь матери, а в другой — связку перепуганно жмущихся к нему любимых книг. Мама дрожала от перенапряжения и страха, она никак не могла понять, почему вся магия эрланцев вдруг оказалась бессильной — в их истории еще никогда такого не случалось. Зато папа улыбался, как всегда. Улыбался спокойно и обреченно, как будто ни капельки не боялся, и Сильвенио вдруг стало ужасно стыдно за то, что он не такой смелый, как папа. Когда огонь подступил к дому вплотную, папа тоже взял маму за руку и обнял их с Сильвенио — на прощанье. Мама сказала: «Ничего. Спасибо, что вы

были у меня, мои дорогие. Я люблю вас обоих». Сильвенио не сказал ничего — ему было слишком страшно...

...Реальность вернулась так резко, что Сильвенио едва не задохнулся от столь внезапного выброса из сна. Он рванулся, закричал, выдираясь из липких щупалец кошмара, и тут же попал в железное кольцо чужих рук, вынужденно уткнувшись в широкую, словно стена, грудь лежавшего рядом варвара.

— Тихо, тихо, — прогудел Аргза недовольно и сонно. Низкий голос отдался в его груди легкой вибрацией. — Чего скачешь? Не буди меня лучше, или я наплюю на твое «не надо сегодня» и успокою тебя сам.

Сильвенио не ответил: он все пытался успокоить дыхание и выбросить кошмар из головы. Аргза медленно и задумчиво провел ладонью от его затылка до поясницы, продолжая прижимать его к себе.

— У тебя как будто температура, — заметил он. — Заболел, что ли? Где умудрился-то? Или кто-то по моему кораблю заразу разносит, а я не знаю?

И как он, интересно, определяет чужую температуру, если сам вечно горячий, как будто у него внутри по меньшей мере атомный реактор спрятан? Сильвенио в сравнении с ним казался почти что ледяным.

— Нет, я... все в порядке, сир. Я не болен. Просто... перенервничал из-за кошмара. Не хочу, кстати, ставить вам это в упрек, но замечу, что до встречи с вами мне кошмары не снились, потому что это явление — признак не совсем здорового психического состояния. А до знакомства с вами я был... здоров.

— Мне не снятся ни кошмары, ни какие-либо другие сны, однако при этом ты постоянно намекаешь мне, что моя психика заслуживает тщательного лечения.

Сильвенио прикрыл глаза, постепенно успокаиваясь. Как ни странно, в горячих руках варвара о кошмарах думать не хотелось. Когда пират говорил, грудная клетка его издавала забавные вибрации, и это делало реальность достаточно уютной, чтобы немного расслабиться. Старое, вбившееся в голову иррациональное утверждение, что Аргза не даст его в обиду, — ну конечно, он же может обижать его только сам, — неизменно действовало даже сейчас.

— Вам не снятся кошмары, потому что вы творите их наяву. И это тоже весьма говорящий признак... милорд.

Аргза опрокинул его на спину и навис сверху, жадно прикинув губами к шее. Губы у него были жесткие и обветренные, сухие, тоже неизменно горячие. Что-то такое было в его поцелуях, которыми он поначалу совершенно не баловал, что заставляло почувствовать на себе жаркое дыхание неприветливых архагльских степей, почувствовать дикий и злой ветер, одновременно лихой и свободный. У Сильвенио закружилась голова.

— Скажи еще, что тебе не нравится. Руки в стороны.

Он подчинился, раскинув руки ладонями вниз — чтобы заранее вцепиться в простынь. Но не от боли, а от того, что подобными поцелуями Аргза начал покрывать все предоставленное ему тело — чуть прикусывая кожу, вбирая ее губами и оставляя цепочки вызывающих красных следов, вылизывая сгибы локтей и ключицы. В последнее время это стало у пирата любимым развлечением — и обязательно, чтобы при этом Сильвенио держал руки широко раскинутыми, потому что именно в таком положении тот сильнее всего ощущал свою беззащитность. Сильвенио понимал, зачем Аргза это делает: он приучал его подсознательно доверять ему, не закрываться, не защищаться от него, показывая, что не причинит ему вреда. Сильвенио понимал и то, что вред ему все равно так или иначе причинят, что эта мнимая безопасность — всего лишь иллюзия. И если инстинктивно он уже готов был ему довериться (инстинктам нужен был только один довод: открытый живот не атакуют — значит, друг), то разумом он по-прежнему боялся Аргзы.

Честно говоря, Сильвенио не знал, нравится ему это или нет. Та гамма самых разнообразных контрастирующих между собой ощущений, которая открывалась ему в результате таких вот манипуляций пирата с его телом из-за излишне острого восприятия, не позволяла определиться с собственным отношением к происходящему. Не «больно», не «приятно», не «возбуждающе», не «противно» — он никак не мог описать это заурядными словами. Единственное, что он мог сказать, — от всех этих ощущений у него неотвратимо кружилась голова, и еще ему становилось от них душно и как-то... стыдно.

— Сир... скоро рассвет... Я думаю, вам все-таки нужно выспаться... Вы говорили, что нам предстоит сегодня очень важное дело, и я дерзну предположить, что это дело — Прием в честь Дней Мира...

Аргза коснулся языком его живота, посылая по его телу что-то вроде безболезненного разряда тока, и Сильвенио замолкнул с протяжным выдохом. В глазах у него помутнело. За эти несколько лет (точное количество Сильвенио запретил себе считать), прошедшие с того дня, когда Аргза против воли сделал его взрослым, пират так и не прекратил водить его к себе спать так часто, что тот почти не ночевал в собственной комнате. Зато — зато довольно скоро ему наскучило иметь безвольное тело, и он раз за разом ставил эксперименты над его чувствительностью, изводя ласками. Тем более что он теперь старался быть с ним осторожен — после того случая, когда у Сильвенио один раз включился Контроль, и он до конца ночи не чувствовал вообще ничего. Контроль был чем-то вроде встроенной в организм эрландеранцев системы защиты: он автоматически включался, когда интенсивность болевых ощущений превышала допустимый предел, и напрочь отрубал почти все нервные окончания, кроме необходимых для продолжения нормальной деятельности. У Сильвенио Контроль впервые включился где-то на четырнадцатом году жизни — до того он просто терял сознание от боли. Взгляд у него при этом становился пустым и равнодушным, а Аргзе этот взгляд ужасно не нравился, и потому он теперь старался доводить его до Контроля как можно реже. Любимой пыткой его теперь было вот так вот распластывать его руки в стороны и покрывать тело поцелуями, но при этом еще он обычно заставлял вслух повторять конституции каких-нибудь дальних народов (Сильвенио читал их на досуге просто так, из необходимости постоянного получения новой информации) — ему забавно было наблюдать, как тот постепенно начинает краснеть и сбиваться. Для варваров, правда, такие игры были нетипичны, но Аргза почему-то все равно оставался доволен: похоже, ему нравилось выводить его из обычного покорного оцепенения. Может быть, он просто не любил тех, кто оставался к нему равнодушен — это объяснение подходило больше всего. Правда, почему он вместо этого не пошел более легким путем и просто не променял его на какого-нибудь более умелого подчиненного, до сих пор оставалось загадкой.

— Ты вытянулся что-то, — заметил Аргза невпопад, хозяйски осматривая его ноги. — Полтора года назад твои ступни в таком положении мне едва доставали до колен. Слишком быстро растешь. Мне не нравится.

— Эрландеранцы живут обычно от трехсот до четырехсот лет. У Хранителей Знаний срок жизни в два раза меньше, потому что на наш мозг всегда несравнимо больше нагрузки, чем на мозг обычного человека. Также влияние на процесс роста и старения имеет и испытываемый стресс. Вам напомнить, что до встречи с вами мне никогда не снились кошмары? Рядом с вами я расту и старею примерно с той же скоростью, с которой старели жители Старой Земли.

— Ну-ну. И с каждым годом, похоже, становишься все более языкастым. Однажды ты начнешь мне откровенно хамить.

Сильвенио с беспокойством проследил за тем, как он властно разводит его ноги шире.

— Быть может, мне просто надоело терпеть молча, сир...

Аргза хмыкнул: несмотря на то что он был разбужен среди ночи, настроение у него было весьма благодушное.

— Я и не предлагаю тебе терпеть молча. Стонешь ты весьма недурно. Только не заиграйся в свое завуалированное хамство, ладно? А то ведь я могу и ответить.

Сильвенио прикрыл глаза, изучающе проводя кончиками пальцев (наконец-то руки снова были свободны) по лицу нависшего над ним пирата: пока есть время, прежде чем его ощущения зашкалят за всякие разумные пределы, прежде чем Аргза перейдет к настоящим действиям, прежде чем ему станет не до анализа и сопоставлений каких-либо фактов.

— А вы, к слову, не изменились вообще. Я знаю, что у жителей Архагла тоже очень продолжительный срок жизни, но ведь, судя по фотографиям в архивах, вы выглядели точно так же и во времена первого созыва Альянса Двенадцати...

— Хочешь правды? О, не сомневаюсь, что хочешь. Правда — это то единственное, что ты хочешь всегда. — Аргза издал короткий беззлобный смешок. — Так вот. Ты ведь знаешь уже, что, по официальным данным, мой дорогой братец пропал без вести? Ну, он пропал, да, но не совсем без вести. Я забрал его жизненную силу.

Сильвенио вздрогнул и вновь распахнул глаза, откинувшись назад.

— Это запрещено, вы об этом знаете?

Страшный, безумно опасный ритуал забирая жизненной силы врага был не в ходу даже у всевозможных пиратов и контрабандистов: слишком уж хлопотно было выпитывать целиком

сущность врага, завладевая его умениями и знаниями и заодно прибавляя к своему жизненному сроку чужой. Ритуал больше был сродни поглощению, чем убийству, и оттого расценивался абсолютно во всех кругах общества как нечто уж слишком подлое. У Аргзы же, как оказалось, даже в этом отношении моральных принципов не существовало.

— Похищать детей и заставлять их работать на себя — тоже запрещено.

Да уж, логика этого человека всегда была столь же непрошибаема, сколь и цинична.

После, насытившись, Аргза снова откинулся на подушку, напоследок оставив ему еще одну метку на шее, чуть выше ошейника. Сильвенио был рад, что, по крайней мере, носит из-за этого ошейника высокие, почти до самого подбородка воротники. Он посмотрел на довольного, как сытый хищник, пирата, мельком удивляясь, как тому удастся так быстро засыпать. Поразмыслил немного. Вспомнил о поджидающих его на остывающей половине огромной кровати кошмарах. И придвинулся к варвару ближе, осторожно устраивая свою голову на его широкой груди.

— Смотрю, ты окончательно ко мне привык, Лиам. Я думал, ты еще лет двадцать будешь пытаться держать дистанцию. — Аргза сквозь сон погладил его по волосам и накрыл сверху тяжелой рукой, словно дополнительным одеялом.

— Мне холодно, сир. И держать дистанцию с вами — абсолютно бесполезное занятие, вам ли не знать.

Аргза не ответил, только насмешливо хмыкнув. Сильвенио, уже согретый, некоторое время просто бездумно слушал гулкие удары здорового, сильного сердца варвара, прижавшись к его груди ухом. Сердце билось уверенно и успокаивающе, очень ровно, очень размеренно, как будто с осознанием собственной же важности: «тум-м-м, тум-м-м, тум-м-м». Он прикрыл глаза, доверяясь этому нехитрому ритму, и уснул до утра уже без снов.

Утро, правда, все равно наступило как-то неожиданно, и до конца Сильвенио выспаться все-таки не удалось. У него было много дел: настроить корабль на нужную скорость, чтобы успеть добраться до первой базы Федерации (добраться ровно к тому времени, чтобы это можно было счесть за демонстративное опоздание, а не за случайное), проследить за пригото-

лениями торжественного костюма Паука, узнать предварительно, взломав архив с электронными приглашительными, чтобы затем рассказать Аргзе, кто из нужных ему сейчас людей будет на приеме и в котором часу, — и еще принести завтрак в спальню пирата.

— Не забудь о своем костюме позаботиться. — Голос Аргзы нагнал его уже в дверях.

— Что?

— Не притворяйся глухим. Ты идешь со мной.

— Мне позволено заметить, что я предпочел бы остаться здесь?

— Нет, разумеется. Все, выметайся и носи уже мой завтрак.

Прием в честь Дней Мира уже давно представлял собой исключительно скучную деловую вечеринку с фуршетом и нейтрально-крепкой дорогой выпивкой. Раньше этот Прием, впервые устроенный, что удивительно, по инициативе Федерации когда-то, являлся действительно благим делом: в течение трех дней каждые пять лет во всех доступных представителям закона уголках цивилизации временно прекращались все войны и даже на пиратов останавливали охоту. Все это было устроено в память о той самой большой войне с Федерацией, в которой погибло очень много невинных — не людей даже, а целых народов. Когда-то у этого мероприятия были вполне благородные цели, но сейчас это быстро превратилось в лишний повод для пиратов помозолить глаза властям и заодно всячески укрепить свои торговые и контрабандные связи. Проще говоря, Прием стал местом встречи всяческих отбросов общества — включая и желающих поблистать мелких чиновников и коррупционеров. Сильвенио, зная об этом, совершенно не хотел туда идти. Но ему все еще хватало ума не спорить с Аргзой, и потому уже этим вечером он впервые переступил порог первой базы Федерации, обычно служившей самым неприступным оплотом закона. Говорят, отсюда когда-то и началась та самая война.

Его сразу же ослепили бесчисленные огни самых разных цветов — синие, красные, желто-оранжевые, зеленые, как будто старающиеся безмолвно перекричать и перебить друг друга. Пока зрение привыкало к такому количеству света, он на автомате диктовал встретившему их на пороге охраннику — ростом в два раза выше Аргзы — их имена и номер приглашительного.

Военная крепость, совмещающая в себе функции боевой базы и здания заседаний правительства, поражала своими размерами еще снаружи, а уж внутри казалась чем-то и вовсе непредставимым. Но размеры — это, пожалуй, все, что было в ней действительно потрясающего: отделана она внутри была, на взгляд Сильвенио, без какого-либо вкуса. Слишком яркие огни, слишком темные мраморные полы, слишком много аляповатых украшений, слишком мало не загроможденного статуями и скульптурами, изображающими давно забытых героев войны, пространства. И слишком много людей, это уж точно. В воздухе сталкивались дурманяще-приторные запахи всевозможных духов и одеколонов, но Сильвенио почему-то упорно казалось, что такими сильными ароматами прикрывают разве что тлен.

Аргза шел впереди, рассекая толпу, подобно ледоколу. Он возвышался над большинством, словно гигантская черная акула, заплывшая на мелководье. Одетый в непривычную черную рубашку вместо этой его шубы-накидки из перьев, с зачесанными в высокий хвост волосами и блестящей кольцевидной серьгой в ухе — он как нельзя лучше подходил под общее разнаряженное окружение и в то же время очень явно не являлся его частью. Кто-то почтительно ему кланялся, кто-то обходил его легким презрительным кивком — в основном агенты Федерации, — а кто-то просто приятельски здоровался с ним хлопком по плечу или молчаливой ухмылкой издали, но никто не делал даже вида, будто не знает, кто он такой. Чувствовалось, что здесь Паук считался действительно важной фигурой, и Сильвенио — высокий (не такой высокий, как Аргза, разумеется, но на полторы головы выше среднестатистического человека), изящный, затянутый в сверкающий в свете этих огней облегающий серебристый костюм — ощущал себя его тенью. Но он был не простой тенью, а тенью весьма значимой персоны, и это было главной причиной направленных на него заинтересованных взглядов. Он чувствовал себя так, словно бы каждый чужой взгляд просвечивал его наподобие рентгена, взвешивая на каких-то невидимых весах и беспардонно оценивая. Он все надеялся, что где-нибудь мелькнет хотя бы одно знакомое лицо, — в конце концов, Паук много с кем имел дела в последнее время, — но в толпе было невозможно найти кого-то конкретного.

Возле стола, оккупированного оголодавшими с долгой дороги гостями, Аргза вдруг цепко ухватил его за локоть и сказал, кивая куда-то в сторону:

— Я буду вон в той нише, это что-то вроде ВИП-ложи. Не хочу здесь толкаться. А ты немного тут поошивайся, поумничай перед кем-нибудь, как ты умеешь, чтобы показать, что я не зря тебя притащил. Ты же вроде у нас хорошо знаешь всю эту хрень с этикетом, верно? Вот и отлично. И принеси мне что-нибудь пожрать со стола.

— Но, сир, я не уверен, что...

Тот, разумеется, не слушал — отпустил его руку и невозмутимо направился в указанном им направлении. Сильвенио беспомощно посмотрел Аргзе вслед: ему совершенно не хотелось оставаться в этой толпе одному, а тем более — набивать себе цену, «умничая», как выразился пират. Некоторое время он неловко топтался на месте, чувствуя себя ужасно неуютно среди такого количества людей, затем неуверенно двинулся к столу, надеясь хоть как-то пробиться туда.

Сильвенио мельком поймал свое отражение в мелькнувшем где-то рядом зеркале: аккуратный внешний вид, сияющий и безупречный даже по канонам оставшейся воспоминанием об утерянном Рае Эрланы, и при этом — извечно опущенные уголки губ и несколько потухший взгляд, демонстрирующие, что он едва ли вообще улыбался за все те годы, что провел в плену. Печать смиренной печали так прочно укрепилась на его лице, что даже ошейника, скрытого воротником, пожалуй, и не требовалось видеть, чтобы понять, что за жизнь он ведет.

— Приветствую тебя на Дне Мира, — обратились к нему откуда-то со спины, отвлекая от невеселых мыслей. — Осмелюсь заметить, что раньше я тебя на этих Приемах не видел.

Сильвенио обернулся. Рядом с ним стоял человек в длинной белой рясе — признак общества миротворцев, которые пытались улаживать любые крупные конфликты между Федерацией и представителями оппозиции в виде пиратов или оседлых мятежных групп. Волосы у мужчины тоже были длинные и белые, что невольно наводило на ассоциации с какими-то призрачными проповедниками. Лицо у него было спокойное и открытое, и Сильвенио, глядя на него, вдруг явственно ощутил, как понемногу отступает охватившее его уныние.

— Здравствуйте, сэр. Да, я здесь впервые. Я пришел с пиратом по прозвищу Паук, если вы о нем слышали.

Миротворец едва заметно поморщился:

— Разумеется, мне знакомо имя Паука, оно сейчас у всех на слуху. Что ж, если ты пришел с ним, тебе можно только посочувствовать.

Сильвенио оглянулся, проверяя, нет ли Аргзы рядом. И осторожно кивнул, чуть расслабляясь:

— Да. Можно. Только, прошу вас, не сочувствуйте мне в его присутствии, вряд ли он это оценит.

Тот покачал головой и протянул ему руку, улыбнувшись:

— Мартин Люмен. Можешь называть меня просто Мартин, без всяких «сэр».

— Сильвенио Антэ Лиам. Можете называть меня как вам угодно, Мартин, я ко всякому привык.

Миротворец снова покачал головой — не то осуждающе, не то грустно. Сильвенио пожал его руку и, смутившись собственной невежливости, повернулся к столу, высматривая, что можно бы отнести ждущему его Аргзе. Мартин, видимо, уже привычный, умудрился ловко скользнуть в толпу и выцепить со стола тарелку с салатом, старательно игнорируя лежавший гораздо ближе кусок сочного мяса.

— Вы тоже вегетарианец? — Сильвенио слабо улыбнулся ему, чувствуя в нем своего.

— О, сейчас это редкость, это уж точно. Но я не люблю есть трупы в отличие от большинства здесь собравшихся.

Они обменялись понимающими взглядами, и после этого разговор пошел живее. Говорили они о какой-то необременительной ерунде, и Сильвенио все больше расслаблялся. Мартин ему нравился, он ощущал в нем некую родственную душу, и после стольких лет было безумно приятно снова кому-то довериться. Но Аргза, как он уже давно выяснил, ненавидел ждать.

«Перестань флиртовать с этим убогим, я все вижу. И тащи уже мою еду».

Сильвенио вздохнул: мысленный канал, который он когда-то открыл, все-таки был двусторонним, и Аргза быстро научился извлекать из этого пользу. Мартин, глянув на его мгновенно переменившееся лицо, встревоженно нахмурился и осторожно коснулся его локтя:

— Что-то случилось?

- Да... прошу прощения, но мне нужно идти. Паук зовет.
- Я подойду к нему с тобой, ладно?
- Хорошо.

На самом деле перспектива даже на время вновь остаться в толпе одному заставляла Сильвенио содрогаться. Он быстро ухватил тарелку с копченой рыбой и бокал вина и направился к нишам, чувствуя на своем плече успокаивающее тепло руки миротворца. Зато Аргзе, судя по взгляду, их совместная прогулка очень сильно не понравилась. Он сидел, вальяжно развалившись, на большом мягком диване, скрытом от слепяще-ярких огней навесом. Выдернув из рук Сильвенио тарелку и бокал с вином, он привычно ухватил его за бедро и лениво усадил — а со стороны казалось, будто швырнул — на место рядом с собой. Мартин наблюдал за этой сценой с молчаливым неодобрением.

— Здравствуй, Паук. — Голос миротворца стал ощутимо холоднее. — Могу я спросить, откуда ты похитил этого ребенка? Потому что я ни за что не поверю, что это создание подчиняется тебе добровольно.

Сильвенио послал ему предупреждающий взгляд, но Аргза лишь усмехнулся и демонстративно, глядя в глаза Мартину, сжал колено Сильвенио ладонью, заставляя того мгновенно покрыться смущенным румянцем. Ему было стыдно — и за себя, что не может даже выразить протест против такого бесцеремонного обращения, и за Аргзу, который, похоже, вообще не знал, что такое приличия.

— И тебе не хворать, — отозвался Паук невозмутимо. — Он с Эрландераны, представь себе. Я скажу больше: он Хранитель Знаний, если тебе это о чем-нибудь говорит.

Сильвенио ужасно не любил, когда он так делал: это всегда выглядело так, будто бы он охотник и хвастается шкуркой убитого им редчайшего зверька. Взгляд Мартина стал откровенно шокированным.

— С Эрландераны! Боже милосердный, Паук, и ты еще с ним так обращаешься! Ты хоть понимаешь, что творишь?! Это... это уже даже не глупость — это настоящее безумие! Разрушать жизнь одного из этих достойнейших созданий, немислимо! Ты понятия не имеешь, на что посягнул!

Ладонь на колене Сильвенио сжалась так сильно, что он тихо застонал и просяще уткнулся лбом Аргзе в плечо — от злости тот вполне мог со своей силой сломать его коленную чашеч-

ку. Аргза ослабил хватку не сразу, совершенно точно оставив под тканью брюк на коже фиолетовую синеву, но затем ладонь его переместилась выше и легла уже на бедро. Мартин выдохнул и, протянув руку, благоговейно убрал с лица Сильвению челку, разглядывая клеймо. Его светлые, спокойные глаза потемнели от печали и холодного, тяжелого гнева. Сильвению и не знал, что кто-то может относиться к нему настолько безразлично.

— Не надо читать мне проповеди, Мартин Люмен. Я не считаю, что посягнул на какую-то святыню. — Ухмылка Паука приобрела похабный оттенок. — И видел бы ты, как это «достоинейшее создание» извивается подо мной ночами...

— Избавь меня от подробностей, будь любезен. — Миротворец поклонился с ледяным достоинством и отошел. — Был очень рад знакомству, Сильвению, всего хорошего. Извини, что я не могу пока вырвать тебя из лап этого чудовища.

Когда он окончательно исчез в толпе, Аргза ухмыльнулся снова и перевел наконец взгляд на Сильвению, который, пользуясь шансом, как раз попытался отсесть. Взгляд пирата ему не понравился: похоже, тот намерен был расщитаться с ним за случившееся прямо сейчас.

— Так, значит, уже нашел себе поклонника? Мне кажется, я не этим приказывал тебе заняться.

— Он не поклонник. Мы просто разговаривали.

— Ну, разумеется, просто разговаривали. Если бы ты хоть попытался перейти от невинных разговоров к чему-то большему, я бы просто башку тебе оторвал.

Аргза рывком притянул его обратно к себе и сильно укусил за ухо. Сильвению зажмурился от боли, но извиняться не стал — в конце концов, не его вина, что Аргза оказался таким параноидально-ревнивым.

— Эй, Паук, снова извращаешься над своим щенком на глазах у всех?

Аргза наконец оторвался от него, и он открыл глаза. Хенна возникла рядом с ними неожиданно, внезапно, и Сильвению подумал, что ее точно посылает к нему в такие моменты сама Судьба. Она стояла возле навеса, одетая в вызывающе открытое ярко-красное платье, удивительно элегантная и при этом все еще незыблемо воинственная, кажущаяся сплошным алым росчерком на фоне всего этого разноцветного марева и фальшивого напыщенного блеска. У Сильвению потеплело в груди: все

эти несколько лет, минувшие с того самого собрания Альянса, Красный Скорпион даже на видеосвязь с их кораблем не выходила, — очевидно, была занята какими-то новыми завоеваниями. Аргза открыто, белозубо ей улыбнулся, хотя до этого только усмехался. И Хенна улыбнулась ему тоже, как будто между ними продолжался какой-то очень давний разговор, никому, кроме них, не известный.

— Здравствуй, Хенна. Мой, как ты выражаешься, щенок, это заслужил.

— Ну-ну. — Она не стала спорить, но умудрилась выразить все единственным скептическим взглядом. — Позволь украсть твою несчастную изжеванную добычу на один танец. Не бойсь, верну в целостности, сохранности и даже не обслонявленным.

Паук коротко хохотнул и откинулся на спинку дивана. Опрокинул в себя залпом бокал вина, убирая от Сильвению руки и показывая этим, что не против на время его отпустить. И тот вдруг с удивлением понял, что Аргза, кажется, почему-то совсем не ревнует его к Хенне. Феномен, не иначе. Он встал и поклонился воительнице по всем правилам этикета, на что та только залиvisto рассмеялась и сгребла его за шиворот, увлакивая подальше в толпу вяло танцующих гостей. Торжественное платье, как оказалось, совершенно не прибавило ей манер — оно и к лучшему.

— Вы сегодня очень веселы, леди.

— Тебя что-то не устраивает, пацан? — Он с улыбкой замотал головой в ответ. — Честно говоря, я пьяна в хлам, амиго! Тут, конечно, выпивка дрянная, но я постаралась извлечь из нее все, что только возможно! Здесь так скучно! Ненавижу эти гребаные Приемы, но ничего не поделать, иногда на них приходится бывать и мне. О, с каким удовольствием я бы сейчас порубила в капусту все эти лоснящиеся от осознания собственной важности лица! Нет, ты только посмотри на всех этих надутых индюков, армия по ним так и плачет!.. Но — нельзя, увы. По крайней мере, пока Дни Мира не закончатся.

Он аккуратно поддерживал ее за талию, ведя в неподобающе медленном для этой женщины танце, и задумчиво смотрел в чуть подернутые дымкой алкоголя смеющиеся глаза.

— Вы уже второй раз спасаете меня от господина Аргзы. Спасибо.

— «Господина»! — Она громко фыркнула. — Ну и самомнение у Аргзы, если он заставляет тебя так себя называть! Да и я тебе, кстати, никакая не «леди», парень! И вообще. Пора тебе уже, по-моему, учиться самостоятельно спасаться от его домогательств. Ты же, черт возьми, жутко умный вроде, так придумай что-нибудь!

Она была почти такая же горячая, как и напоминающий ходячую батарею Аргза. Сильвению чувствовал ее жар даже сквозь перчатки, которые вынужден был натянуть перед появлением в такой толпе, как чувствовал и каждую мышцу на изгибе ее спины, платьем совершенно не прикрытой. Сильвению нравилось ощущать каждое ее движение, ощущать ее грацию, которая, несмотря на ее заявления о количестве выпитого, стала сейчас еще более очевидной, но удовольствие это было скорее из ряда эстетических, чем телесных: невзирая на сверхчувствительность, возбуждение эрландеранцы воспринимали больше как наивысшую точку духовной близости.

— Я, возможно, умный, но он сильный, леди. Как бы сейчас ни говорили про торжество разума, на практике мы наблюдаем совсем другое.

— На каждую силу найдется своя сила. И я не леди!

На этой философской ноте они умолкли, окончательно сливаясь с ритмом негромкой музыки. Хенна танцевала неплохо, Сильвению — безусловно. Непривычно было смотреть на нее сверху вниз, и только теперь он в полной мере осознал, что действительно вырос: Хенна теперь едва доставала ему колючей рыжей макушкой до плеча.

Но, видимо, долго молчать ее затуманенное алкоголем сознание не хотело, и она вдруг выдала:

— Между прочим, когда-то я встречалась с этим твоим тупым... господином. Теперь так смешно наблюдать за тем, как он от вечного недотраха с ума сходит и домогается каждого, кому не посчастливилось ему попасться!

Сильвению пораженно промолчал: от изумления ему даже спросить было нечего. Собственно, главная причина его изумления крылась в том, что он как-то привык считать, что Аргза просто недостоин этой женщины — а недостойных она к себе явно не подпускает. Он думал, что уж кто-кто, а Хенна никогда бы не связала себя какими-либо отношениями с таким человеком.

— Что? — рассмеялась она, прочитав это немое удивление на его лице. — Я не скажу, конечно, что я когда-то была глупой и наивной, а он когда-то был милым и галантным. Нет! Мы оба с ним ни капли не изменились, и никогда этот мудака даже не напоминал джентльмена, а я никогда не напоминала трепетную барышню. Эта история была не так банальна, не думай.

— Но тогда... почему? — выдавил он, справившись кое-как с приступом шока.

Она пожала плечами:

— Что я могу сказать? Он дикий, привлекательный и трахается отлично. И с ним было довольно весело. Иногда этого бывает достаточно. Впрочем, не волнуйся, мы уже больше полтора десятка лет совершенно чужие люди. И то, что он делает с тобой, вызывает у меня разве что жалость. Слава всем высшим силам, если они есть, за то, что я вовремя избавилась от его общества!

— Рад за вас, леди.

Она душераздирающе вздохнула, явно устав от его твердолобого почтения. Танец подошел к концу, и она с каким-то потаенным сожалением отпустила его плечи. Мир, все время танца вращавшийся, казалось бы, исключительно вокруг ее яркой фигуры, снова разочарованно расплылся по всему пространству зала.

— Ты хороший парень, — улыбнулась она напоследок. — Только больно слабый и боязливый. Не позволяй этому придурку себя ломать, ладно?

Сильвенио кивнул. Что ему еще оставалось делать?..

Потом он вернулся к Аргзе, и тогда уже тот неожиданно потащил его танцевать. Сграбастал, прижал к себе, улыбаясь почему-то точно так же, как улыбался до этого Хенне — открыто и с легким оттенком снисходительности, почти тепло. Он буквально таскал легкого, как пушинка, Сильвенио по залу, частенько сбивая могучей спиной другие пары, и настоящий танец это напоминало разве что весьма отдаленно. Смысл всего этого, кажется, был только в том, чтобы показать всем вокруг, кому Сильвенио принадлежит на самом деле, дабы больше никто вроде Мартина не смел на него претендовать. Честно говоря, Сильвенио вовсе не думал, что Мартин на него претендует, да и Хенна, в общем-то, тоже, но варвару этого было просто не объяснить.

— Сир, я понимаю, что вам нравится в очередной раз подтверждать для окружающих вашу власть надо мной, но я был бы признателен, если бы вы хотя бы переместили руку чуть выше, где это будет смотреться не так унижительно.

Аргза только расхохотался, но все же выполнил просьбу и передвинул ладонь на спину. Сильвению доставал ему только до груди, и потому удовольствия от «танца» получал крайне мало — впрочем, с Аргзой всегда все было как-то неправильно. Но блеск темных глаз манил, гипнотизировал, спутывал мысли, заставляя непроизвольно напрягаться в ожидании чего-то неясного, а руки — одна на запястье, другая на спине — держали крепко, и, непонятно почему, это успокаивало. Во всяком случае, хищные изучающие взгляды, направленные на него, беспокоили так гораздо меньше: он знал, что Аргза никому его не отдаст. Хорошо это было или плохо, он пока не знал, но на данный момент, когда вокруг толпилось множество незнакомых людей с непонятными намерениями и интересами, так было определено проще.

— Тебя так волнует чужое мнение? — хмыкнул пират лениво.

Сразу вспомнился кошмарный эпизод того первого посещения им собрания Альянса. Сильвению вздрогнул, вцепившись в скользкую ткань рубашки Аргзы. С тех пор Аргза к нему на публике почти не приставал, уяснив, что от Сильвению, за что-то на него обижающегося, в постели удовольствия гораздо меньше — ровно столько же, как было в самом начале от его безучастного тела, но теперь Аргзе этого, очевидно, стало мало. Во всяком случае, до сегодняшнего дня у того не было и повода, чтобы таким образом его унижить.

— Да, сир, волнует.

— Зануда.

— Воздержусь от комментариев.

Аргза хмыкнул повторно и красноречиво провел большим пальцем по его все еще красному уху с явственными следами зубов.

— Да, пожалуй, воздержись.

После, не дожидаясь, пока гости начнут расходиться, Аргза уволок его обратно на корабль — те, кто был нужен непосредственно ему для заключения всяческих сделок, должны были явиться только на второй День Мира, и нужно было переночевать возле базы, не отводя от нее корабль. Ни Хен-

ны, ни Мартина Сильвенио больше не видел, но одно только воспоминание о встрече с ними уже достаточно его грело, чтобы пребывать в приподнятом настроении. Тем более что засыпал он снова у Аргзы на груди, чувствуя тепло его рук и ровное биение его сердца.

Неудивительно, что он совершенно не ожидал никакой беды.

А ведь не стоило — ох, не стоило! — забывать о том, что любой незначительный просвет в его жизни, любая мизерная возможность вздохнуть спокойно и расслабиться ведут к неперемennomу удару в спину со стороны злодейки-судьбы.

Утро выдалось на редкость яркое: где-то случился взрыв Сверхновой, и теперь светящиеся потоки разноцветных газов носились по космосу. Аргза спал после долгой бессонной ночи и утомительного торжества накануне. А тот, кто проснулся вместо него, слишком, слишком давно искал пути на поверхность, и теперь, открыв глаза, не сразу понял, что у него наконец-то все получилось.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на пролетающие в иллюминаторе потоки света. Но тут взгляд его наткнулся на другое живое существо, лежащее рядом: оно было теплое, беззащитное, совершенно обнаженное и доверчиво прижималось к нему. Он усмехнулся с предвкушением и, пробуя свои новые возможности, протянул к существу руку. Хотел коснуться, но прежде посмотрел на свою-чужую руку, где, подчиняясь его воле, на пальцах мгновенно выросли черные металлические когти, в которых были спрятаны смазанные ядом лески — в свое время он лично подбирал для Аргзы это оружие. И медленно провел острием когтя по так доверчиво подставленной ему спине, оставляя длинный розовый след. Существо дернулось и уставилось на него сонными перепуганными глазами цвета неба над Старой Землей. Похоже, про настоящую остроту когтей и лески в них существо было прекрасно осведомлено, как и про то, что всего нескольких капель этого яда достаточно, чтобы убить человека.

— Сир, что вы...

Существо замолкло, с ужасом уставившись ему в глаза. Он с удовольствием прошелся когтями по нежной коже, не царапая и не выпуская яда, разглядывая отметины на зацелованной его-не его губами тонкой шее.

— Кто вы? — спросило существо почти панически, но тем не менее требовательно. — Вы не господин Аргза.

Он порывлся в чужой памяти. Существо звали Лиамом, и он, похоже, значился на корабле первым помощником.

— М-м-м, — протянул он довольно. — Сокровище Аргзы... Я никогда не сомневался в том, что у моего брата ужасный вкус. Вместо того чтобы приобрести в качестве секретарши какую-нибудь знойную девицу, он предпочел завести себе хилого плохого мальчика, да еще и пригласил его к себе в постель. Ты, должно быть, теперь что-то вроде оригинального приложения к его ужасной шубе, мальчик?

Сильвенио непроизвольно вжался спиной в простынь. Конечно же, двоюродный брат Паука, бывший лидер Альянса, у которого тот забрал жизненную силу! Должно быть, ритуал тогда прошел не без последствий, и он каким-то образом сумел затаиться на дне чужого разума, а теперь решил вернуть утраченное...

— Я не приложу...

— О, я не разрешал тебе говорить. — Он надавил когтем на его горло, в одном движении от того, чтобы проткнуть трахею насквозь. — Лучше давай-ка проверим, так ли уж ты хорош, чтобы заменять собой знойную секретаршу...

Сильвенио задрожал и зажмурился, поглощенный ужасом. Если жизнь и была похожа на зебру, то его была почти полностью черной.

...Аргза проснулся, как обычно, довольно рано. Однако что-то было не так: казалось, тело проснулось гораздо раньше сознания, хотя обычно бывало наоборот. Он огляделся, недоумевая... и увидел Сильвенио.

Тот лежал лицом в подушку, дыша сбивчиво и часто. Его руки были лесками примотаны по локоть к ногам, заставляя сложиться в неудобной позе. Плечи и руки его были искусаны, а простыня вокруг — покрыта липкими разводами, перемежающимися с серебряными пятнами крови.

— Что произошло? — спросил Аргза ошеломленно, одним движением убирая лески.

Сильвенио кое-как перевернулся на бок и посмотрел на него. Глаза у него были совершенно пустые и безучастные, будто бы стеклянные, и Аргза понял, что тот включил Контроль.

— Ваш брат... вернулся. Полчаса назад. За пределы комнаты... не выходил.

Аргза разом помрачнел и сел в кровати. Перспектива возвращения братца всегда прежде казалась ему невозможной, но

либо дело действительно обстояло именно так, либо Лиам связал себя сам и научился врать, а это все же было, мягко говоря, чуть более абсурдным предположением. Он не глядя сунул руку в пространство через Темную технику и добыл из медицинского крыла пачку обезболивающего, которую тут же сунул продолжавшему равнодушно наблюдать за ним Сильвенио. Потом достал оттуда же какую-то резко пахнущую мазь и тоже отдал ему.

— Я считал психически нездоровым вас, сир, но... должен заметить, что ваш брат в этом отношении гораздо хуже...

Пират напряженно и задумчиво погладил его по волосам.

— Ну, по крайней мере, ты признаешь, что хотя бы в чем-то я не безнадежен.

Сильвенио проглотил сразу три таблетки обезболивающего, и взгляд его начал заметно проясняться от Контроля.

— Я могу избавить вас от него, — сказал он, немного помолчав.

— М-м? Ты же не причиняешь вреда?

— Только живым. Ваш брат — уже мертв. То, что от него осталось, не должно существовать по законам Вселенной. Он терроризирует ваш разум, а это неприемлемо. Я могу... помочь...

— Нет.

Сильвенио, натирающий мазью болезненные укусы и прочие повреждения, непонимающе глянул на него.

— Нет? Но, сир, я правда могу помочь, он больше не будет вас беспокоить... Кроме того, он представляет непосредственную угрозу как для вашей репутации, так и для всего корабля...

— Для чего он представляет угрозу сейчас, так это для твоей тощей задницы, а с остальным я как-нибудь справлюсь, — отрезал пират неожиданно грубо. — Как бы там ни было, а я не позволю копать в моей голове. Ни тебе, ни кому-либо еще. Мой разум, даже зараженный — только мое дело. Уяснил? Вот и славно. Приходи в себя быстрее, мы сейчас же отчаливаем от базы. Слишком опасно оставаться на Приеме.

Сильвенио вздохнул. Кажется, у него ощутимо прибавилось проблем.

[Запись в бортовом журнале номер МН9КЛ12785_03:]

«А я ведь почти готов был поверить, что его еще можно терпеть...»

[Запись удалена.]

Глава 4

НАРЦИСС

«Нарцисс перестал есть, пить, спать, потому что не в силах был отойти от ручья, откуда его манило собственное отражение, и таял почти на глазах, пока не исчез бесследно...»

*Архивы Старой Земли:
«Легенды о цветах»*

— Лиам.

Мерное гудение главной консоли завораживало, и Сильвенио сделал вид, что целиком им поглощен. Правда, с Аргзой этот номер не прокатывал никогда — тот просто брал его за шкуру в случае игнорирования и больно кусал за ухо или за подбородок. Или гладил задумчиво шею своими сильными жаркими пальцами, словно бы намекая, что его очень опасно злить. Или насмешливо дергал его за длинный шелковый ручеек синего хвоста, стекающего по спине от затылка до худых бедер. Или...

Но Сильвенио уже научился определять разницу в их интонациях и потому не обернулся на этот раз, понадеявшись, что раз игнорирование не действует на самого Аргзу, то подействует хотя бы на его брата.

— Лиам. Лиам. Лиам. Лиам.

Сильвенио передернуло: Аргза никогда не повторял его имя таким бессмысленным тоном. Звучало ужасно. Но он не обернулся, продолжая напряженно выщелкивать на клавиатуре отчет о сегодняшнем доходе с торгового корабля гарлианцев.

— Лиам.

Он не обернулся. «Может, он уйдет наконец», — подумалось ему.

— Лиам. Совершенно дурацкое имя, не находишь? И не слишком ли ты дерзко игнорируешь зов своего хозяина?

— Вы... не мой хозяин. Хватит с меня и Паука. Настоятельно прошу вас покинуть его разум.

В синеватом мерцании экрана отразились хищно блестящие глаза, и Сильвенио замер.

— А чем же я хуже моего братца, интересно?

Черные когти почти нежно прошлись по его щеке. Сильвенио резко выпрямился, отстраняясь, повернулся к нему, невольно прижимаясь к консоли. Он все еще так и не выработал стратегию верного поведения в отношении этого существа, занимавшего теперь разум Аргзы с завидной периодичностью. Если с самим Аргзой большую часть времени вполне можно было договориться и обеспечить себе более-менее приемлемые условия существования, раз уж Паук так часто шел ему на уступки, то главная проблема в общении с его братом, Конрадом Грэном, заключалась в том, что, как бы разумно он себя с ним ни вел, в итоге ему все равно доставалось.

— Неточная формулировка вопроса...

Удар когтями пришелся плашмя по ребрам, отшвырнув его на пол. На плотной ткани серой куртки остались рваные порезы, но кожу, к счастью, не задело — иначе яд бы убил его за считанные минуты. Когти были любимым оружием Паука, и в ближнем бою действие их было просто сокрушительно. Хорошо хоть, что у Конрада не было намерения убивать Сильвенио. Правда, только пока.

— Не понимаю, как Аргза тебя терпит. — Темные глаза нависли над ним, открытые так широко, словно были напрочь лишены век — он еще не совсем научился управлять чужими лицевыми мышцами. Выглядело это по-настоящему жутко. — Мало того, что ты абсолютное бревно в постели, тощий и бесхарактерный, так еще и ведешь себя по-хамски. Смеешь поправлять своего хозяина этими уточнениями. Но... — Он хищно дернул щекой, оскалившись. — По крайней мере, ты забавный. И ты ведь будешь послушен, правда, мальчик?

Сильвенио закрыл глаза. Похоже, ему предстояла еще одна бессонная ночь.

— Да, — выдохнул он, на всякий случай блокируя клавиатуру консоли. — Я буду послушен.

Кто бы знал, как ему это все надоело!..

Черное Руно, казалось, и не думал оставить тело Аргзы в покое. Аргза ничего о его визитах не помнил — когда он просыпался, то не чувствовал даже следа присутствия брата в голове, но периодически находил либо избитых до полусмерти рабочих,

либо в буквальном смысле затраханного до такого же состояния Сильвенио. Последний смотрел на него с немой укоризной и обидой, но больше даже не заикался о том, чтобы помочь. Хотя всем, в том числе и самому Аргзе, было очевидно: сам он со всем этим не справляется, несмотря на то что заявлял обратное. Времени в его теле Конрад проводил совсем немного, не больше пары часов примерно раз в два дня, но и за это время он умудрялся натворить много всего неприятного. Сильвенио мрачнел все больше с каждым днем. Он прочитал всю имеющуюся в интернет-архивах информацию про Конрада Грэна, но нигде не говорилось ни слова о том, что тот хоть когда-то проявлял признаки подобного навязчивого нестабильного психического состояния. По словам очевидцев, Черное Руно хоть и считался довольно жестким и бескомпромиссным лидером едва ли не хуже Паука, все же был в основном серьезен и не тратил силы на причинение вреда своим же подчиненным без веской на то причины. Тот же Конрад, которого Сильвенио узнавал теперь, без всякого повода срывался на рабочих, никого, впрочем, не убив еще и даже ни разу не попытавшись сделать что-то с самим кораблем. Похоже, ему неинтересно было строить какие-либо планы и размышлять о том, как выгоднее воспользоваться своим возвращением. Будто бы он просто не знал, чем себя занять в неожиданно приобретенной за чужой счет жизни, и оттого пытался хоть как-то унять то чувство опустошения, которое теперь отчетливо им владело. Понятия о развлечениях у него, в общем, тоже были заметно размыты: и бил, и насиловал он все с тем же выражением невыносимой скуки на лице, словно бы не понимая, отчего это больше не разогревает его кровь. Остальным членам команды перепадало от него почти в той же степени, что и Сильвенио, — если не посчастливилось попасться ему на глаза раньше первого помощника, — но они даже не подозревали, что страдают не совсем от рук своего непосредственного капитана. По кораблю прошел слух, что Аргза вконец обезумел, и, в общем-то, это было не так уж далеко от правды.

Над Сильвенио же Черное Руно любил издеваться почему-то больше всех, каждый раз зачем-то связывая его, несопротивляющегося, проклятыми лесками и стараясь причинить как можно больше боли. Тот абсолютно не понимал его мотивов, но на всякий случай старался его не провоцировать: он был во много раз опаснее Аргзы уже одной своей непредсказуемостью. Пару

раз он пытался поговорить с ним, пробовал узнать, что за гнетущее чувство разрушения им движет, или предложить свою помощь — безрезультатно. Жалкие остатки существа, бывшего когда-то Конрадом Грэном, уже не имели ничего общего с логикой и разумностью.

Однажды, проснувшись утром, Аргза с удивлением обнаружил, что совершенно выспался — причем не только сознанием, но и телом. Похоже, Конрад либо не приходил, либо ушел уже вечером. Сильвению в кровати не было, как не было и обычно заранее приносимого им в его комнату завтрака. Он попробовал позвать его по телепатической связи — тот не отозвался. Такое бывало крайне редко, но все же случалось, и причин для беспокойства вроде бы не было. Однако какая-то смутная, неясная тревога неприятно царапалась внутри, и Аргза, одевшись, решил все же заняться его поисками немедленно.

Странное дело — Сильвению не обнаружилось ни в кабине управления, ни в каморке механиков (Джерри тут же вызвался присоединиться к поискам, вмиг обеспокоившись пропажей друга), ни где-либо еще на всем огромном корабле.

В конце концов Аргза нашел его в самой дальней пустой кладовой, где раньше располагалась комната уборщика. Сильвению был абсолютно обнажен, одежды его поблизости не обнаружилось. Он стоял на коленях, привязанный лесками к вертикальной железной трубе, проходящей в углу сквозь всю высоту комнаты. Спина была вся испещрена темно-серебряными глубокими бороздами с рваными ярко-красными краями, с которых капало оба вида крови одновременно. Чем ее изодрали, было непонятно, но, судя по цвету ран, яда в кровь не попало, а значит, железные когти Аргзы не имели к этому отношения. И то хорошо.

— Лиам?

Тот не откликнулся и никак не среагировал, оставшись неподвижным, и на мгновение Аргзе показалось, что тот потерял сознание. Но — нет, глаза у него были открыты. Аргза глубоко вздохнул и, подойдя ближе, убрал лески, впивавшиеся в тонкие исцарапанные руки. Помог безучастному, словно кукла, Сильвению подняться на ноги, удостоверился, что благодаря Контролю тот может идти самостоятельно. Набросил на него свою шубу, прикрывая от холода и чужих глаз и оставшись в одних штанах. И молча направился к себе, зная, что Сильвению пойдут за ним.

Он и пошел и тоже не произнес ни слова по пути. Ничего не сказал он и тогда, когда Аргза усадил его на край кровати и начал аккуратно втирать в его спину ту самую пахучую мазь. Контроль делал свое дело на славу — он не чувствовал совершенно ничего. Его охватило тягучее, унылое безразличие к происходящему.

— Смотри, — произнес вдруг пират, стремясь нарушить воцарившуюся между ними напряженную тишину. — Ты должен ценить свое выгодное положение. Заметил, что я здесь больше ни о ком, кроме тебя, не забочусь? Я даю тебе все, что попросишь, лечу тебя, разрешаю пользоваться всякими приятными привилегиями вроде моей собственной ванной и разных послаблений. Ты еще с детства у меня... на особом счету. Не такое уж я, выходит, и чудовище, верно?

Сильвению немного помолчал. Потом повернул голову, глядя на него пустыми глазами живого мертвеца, и, кое-как разлепив пересохшие губы, слабым равнодушным голосом ответил:

— Нет, сир. Простите, но... вы и впрямь самое настоящее чудовище. Жестокое, безжалостное и эгоистичное. Самовлюбленное. Вы думаете, что на все в этой жизни имеете исключительное право, что никто вам не указ. Вы... похожи на избалованного ребенка, которому так и не объяснили, что он вовсе не является центром мироздания. Не объяснили, что существуют другие люди помимо вас и их надо уважать. У вас внутри нет абсолютно ничего, вы никого никогда не любили. Вам кажется, будто своей заботой обо мне вы частично искупаете свои грехи... но это не так. Это всего лишь иллюзия, в которую вам так удобно верить. Вы заботитесь обо мне только потому, что хотите выглядеть чуточку лучше в своих глазах... хотите иметь еще один повод собой гордиться, упиваться своей якобы добротой, прибавляя к собственному воображаемому портрету лишние штрихи мнимого великодушия... говорить себе, что вы умеете не только причинять боль... Но мое благополучие вас при этом на самом деле нисколько не интересует.

Глаза варвара темнели все больше с каждым его словом — хотя, казалось, темнее было некуда уже в самом начале. Он спокойно дослушал его до конца, а потом вдруг резко столкнул его с кровати и отшвырнул мазь, которой успел обработать только пару царапин.

— О, — сказал он, жутковато ухмыляясь и глядя на него с ледяным презрением. — Значит, так ты считаешь? Что ж, благода-

рю, моя пташка-говорун. Ты открыл мне глаза. Я действительно безнадежный лицемер и эгоист, страдающий к тому же неизлечимым нарциссизмом, и, раз уж ты все это так тонко подметил, нужно уже в этом признаться, верно? Но не волнуйся, я даже обещаю прилежно встать на путь исправления. И первым шагом на этом пути, я думаю, должен стать добровольный отказ от всех этих тешащих мое самолюбие иллюзий. Ты прав, мне не нужно относиться к тебе так бережно — ни к чему, раз уж это тебя так огорчает. Что ж... хорошо. Свободен, Лиам. У тебя два часа, чтобы привести себя в порядок, потом жду в кабине. Впрочем, нет, два часа — это слишком. У тебя час, и, кстати, не забудь принести в кабину мой завтрак. С тебя еще причитается за опоздание.

Сильвенио, который из-за включенного Контроля не спал всю ночь, так и проведенную на коленях в холодной кладовке, устало поклонился и вышел из комнаты, надев предварительно свои запасные брюки, висевшие на стуле, чтобы не ходить по коридорам голым — шуба так и осталась лежать на кровати пирата. Пока он шел к себе, вокруг слышались испуганные перешептывания попадавшихся на пути рабочих: «Опять хозяин над ним издевался, ужас!», «Глянь на спину пацана, кошмар какой!» — и все в таком духе. Даже совершенно посторонние люди уже давно сочувствовали ему, любимчику капитана...

— Извини, конечно, но ты редкостный придурок, — заявил Джерри, когда Сильвенио вечером кое-как добрал до механического цеха после целого дня работы и рассказал ему о случившемся.

— Я лишь сказал чистую правду... что здесь такого?

Джерри вымученно вздохнул:

— Ты не понимаешь? На самом деле не понимаешь? Слушай, дружище, правда твоя — это, конечно, замечательно просто, но... Правда не залечит тебе раны, чувак. Правда не выпишет тебе лишней выходной после получения таких вот травм. Правда не защитит тебя от Паука. Правда, наконец, не является твоим начальником. А Аргза — является, улавливаешь? Не с правдой тебе надо бы мириться, не с ней...

Сильвенио только недоверчиво покачал головой. Он и сам уже, признаться честно, начал сомневаться в правильности своего поступка, но что было теперь поделывать?

Разницу между тем, чтобы быть фаворитом тирана, и тем, чтобы быть у этого тирана в немилости, он ощутил сполна в первые же дни.

Растеряв все свое показное — как выяснилось — благодушие, Аргза быстро превратил его жизнь в непрекращающийся кошмар. Он действительно перестал лечить его раны, перестал беречь его разум и тело. Днем он нагружал его именно той работой, которая отнимала больше всего сил, к тому же теперь в его обязанности входило лично делать обход всего необъятного корабля, чтобы контролировать его безопасность не только из кабины, но и непосредственно по всему корпусу. За малейшую провинность — даже за недостаточно горячий обед — Аргза бил его так нещадно, что у него весь день после звенело в голове. А ночью он вколачивал его в кровать с поистине варварской грубостью, превращая каждую ночь в сплошной клубок боли. И еще — еще был его брат, который приходил, когда ему вздумается, и мучил его в разы хуже и изощреннее, чем Паук. У Сильвенио почти не оставалось времени на сон, не говоря уж о том, чтобы пообщаться с Джерри или хотя бы почитать.

Но апогеем всего этого стал день, когда Сильвенио отказался выполнять прямой приказ.

Им тогда попало небольшое судно аркалинских контрабандистов. С пиратами у их братии всегда был взаимный разлад, потому что обычные контрабандисты за свою добычу хоть сколько-то платили, пираты же — забирали приглянувшееся даром. На связь их корабль выйти не пожелал, но Аргза почему-то был просто уверен, что они везут что-нибудь ценное.

— Ты можешь через канал видеосвязи взломать их систему безопасности? — спросил он у Сильвенио.

— Теоретически я могу попробовать, сир, но...

— Вперед. Перекрой им вентиляцию. Посмотрим, как долго они протянут без воздуха. Может быть, тогда они захотят проявить чуть больше навыков дипломатии.

Сильвенио, уже потянувшийся к консоли, замер и нахмурился.

— Сир... должен заметить, что у аркалиннов — уменьшенный объем легких, и если перекрыть им вентиляцию, они погибнут за несколько секунд, не успев даже ничего уже «захотеть» и согласиться на сотрудничество...

— Тем лучше. Значит, просто подождем, пока эти крысы передохнут, а потом вычистим у них с корабля все добро и разберем суденышко на запчасти. Всегда пригодится.

Сильвенио отпрянул от консоли совсем, глядя на него с неподдельным ужасом. Аргза и раньше пользовался его навыками для проворачивания грабежей, но до сих пор он, по крайней мере, никогда не заставлял его заниматься прямым убийством. Взгляд пирата, обращенный на него, был темным и абсолютно нечитаемым — непонятно было, то ли он просто его так проверял, то ли в самом деле решил заставить его отказаться от главного и нерушимого убеждения.

— Я этого не сделаю...

— Сделаешь. И как можно быстрее. Мы теряем время — они отдаляются.

Сильвенио постоял. Помолчал, переводя взгляд с Аргзы на экран радара, на котором постепенно отдаляющейся точкой мерцал корабль контрабандистов, решивших, видимо, что беда уже обошла их стороной, и потому не торопившихся. Послушно вернулся к консоли. И вдруг включил переговорное устройство, чтобы отчаянно выдохнуть туда:

— Пожалуйста, быстрее! Исчезните отсюда как можно быстрее! Паук вас убьет!

Ему что-то ответили, прокричали вопросительно, но затем связь оборвалась, и мигающая точка действительно исчезла с радара в одну секунду — видимо, они использовали максимальное ускорение.

Глубину своей ошибки Сильвенио осознал только тогда, когда Аргза сжал сзади его горло, едва не переломив шею.

— Ты понимаешь, что только что наделал? — спросил пират тихо, с явной угрозой.

Сильвенио поймал себя на том, что малодушно надеется, что в приступе ярости он его убьет. В самом деле, это решило бы разом все его проблемы...

— Я сделал то... что должен был...

Аргза швырнул его в стену. К счастью, он вовремя успел выставить руки, иначе одним таким ударом варвар запросто мог проломить ему голову. А голову Сильвенио берег. Аргза схватил его за локоть, едва ли не вырвав при этом руку из плечевого сустава — так ему показалось, — и неожиданно потащил куда-то в коридор.

— Ты же у нас терпеть не можешь публичные унижения, да? — прошипел он ему на ухо, и Сильвенио от его тона пробила крупная дрожь.

Паук притащил его в котельную, наполненную в этот час людьми больше обычного. От нехорошего предчувствия у Сильвенио мгновенно пересохло во рту, но он уже ничего не мог сделать — стальные пальцы мертвой хваткой впивались в его плечо. Завидев капитана, рабочие приостановились и выжидающе посмотрели на своего начальника.

— Кажется, поступали жалобы на то, как скупно я оплачиваю ваше существование, вшивые псы, — произнес Аргза с каким-то пугающим весельем, без труда повышая голос ровно до той степени, чтобы его слышно было по всей котельной. — Так вот. Хочь сообщить, что только что вы имели шанс нехило обогатиться. Но один мой служащий, — он встряхнул Сильвенио так, что у него челюсти стукнулись друг об друга, — вас этого шанса лишил, не только послушавшись моего прямого приказа, но и дав уйти потенциальной добыче. Как думаете, что я могу с ним за это сделать?

Никто не шевелился. Где-то возле баков Сильвенио заметил мелькнувшую в толпе рыжую макушку механика, но не решил подать ему хоть какой-то знак.

— Сир... я не думаю, что...

— Молчать.

Аргза дернул его на себя и одним движением содрал с него тонкую куртку. Пнул под колени, заставляя упасть на пол — у Сильвенио осталась ссадина на лбу. Тот попытался подняться или хотя бы отползти, панически дрожа, — его тут же пнули снова и прижали тяжелым коленом к полу, вышибив весь воздух из легких. Сквозь охватившую его панику он вдруг ощутил, как Аргза сдернул с него штаны и поставил на четвереньки, сильно вжав лицом в отвратительно-грязный, заплыванный металлический пол.

— Не надо... не надо, милорд... я не мог... убить их... и то, что вы делаете... убийцей меня не сделает, как бы вы ни хотели... Но ведь в остальном я... всегда слушаюсь! Всегда, сир!.. Не... не н... надо... не...

С каждым болезненным толчком он ударялся поцарапанным лбом об пол с глухим стуком, и этот стук не позволял ему почему-то, как обычно, отвлечься от реальности происходящего и успокаивать себя привычными мантрами-внушениями о том, что все

хорошо, что здесь не он, а только его тело — брэнная оболочка, которая все равно рано или поздно умрет... В котельной было грязно и невероятно душно, и еще — очень людно. Точно так, как он запомнил ее еще с первого своего посещения. Жаркий смрадный воздух прилипал к выгнутой спине, к нещадно кусаемой шее, набивался тошнотворным комком в горло и легкие. Сильвенио цапал металл в тщетной попытке хоть за что-нибудь уцепиться. Рабочие стояли вокруг них безмолвными, безучастными наблюдателями, впивались в него бесчисленным множеством испуганных-злых-усталых взглядов, не шевелясь, и никто — никто! — не смел ни возразить, ни хотя бы перестать смотреть. Они думали, Аргза показывает это представление для них, чтобы ни у кого не возникало даже мысли ослушаться его однажды, они думали: горе тому, кто попытается сейчас избежать этого поучительного шоу. Но это было не так, Сильвенио, бессильно стонущий и извивающийся под пиратом наподобие выброшенной на берег маленькой рыбки, знал, что это было не так: Аргзе плевать на всех этих рабочих, их за непослушание он просто выкинет с корабля — прямо в открытый космос. Аргза устроил все это только для него одного. Чтобы запомнил — раз и навсегда.

Потом Аргза молча ушел, а Сильвенио так и остался лежать на полу, обнаженный, избитый, неподвижный. Он не хотел подниматься, не хотел больше когда-либо смотреть в глаза всем тем, кто наблюдал за этим кошмаром, не хотел больше что-либо делать. Он вообще больше ничего не хотел — только прижиматься лбом к удивительно холодному в здешней жаре полу и никогда-никогда не открывать глаз.

Рядом раздались шаги, и кто-то, насильно поставив его на ноги, натянул ему штаны и кое-как набросил на плечи порванную куртку.

— Пойдем, — сказал Джерри мрачно, поддерживая его за плечи. — Ну, пойдем... Доигрался ты со своей правдой, вот что я скажу...

Сильвенио не ответил. Ему было все равно. Механик повел его, запинаящегося о собственные ноги, в его комнату, уложил там на постель. А потом вдруг рассердился — пихнул в бок, нахмурился и сказал зло:

— Ну, все, хватит тебе! Ведешь себя так, будто катастрофа случилась мирового масштаба, а ведь он мог и что похуже выкинуть!

— Тебе он делал хуже? Унижал сильнее?
— Ну... — тот как-то сразу стушевался. — Вообще-то нет, но... это все равно не повод так себя распускать!

Сильвенио устало прикрыл глаза:

— Оставь меня, пожалуйста. Мне нужно отдохнуть, пока ему опять что-то не понадобилось...

Джерри поворчал еще немного, но послушно вышел, чтобы дать ему хотя бы поспать после всего этого. Хорошо хоть, что он не обидчивый.

Вечером Аргза предсказуемо позвал его к себе, и Сильвенио, наглотавшись добытых для него Джерри обезболивающих, пошел в кабину управления. Это было лучше, чем постоянно держать Контроль, от которого потом неумолимо ныли виски.

— Ты вовремя, — заявил Аргза с порога. — Как раз пора делать вечерний обход корабля. И не забудь сообщить мне, если увидишь каких-нибудь самоубийц, отлынивающих от работы.

Сильвенио сглотнул. Резкое осознание того, что он не протянет так долго, сжало его сердце волной страха. Он вдруг отчетливо понял, что у него осталось всего два варианта, как может это закончиться: либо Аргза в конце концов убьет его нагрузками и непрекращающимися наказаниями, либо ему придется окончательно поступиться своими принципами и убеждениями и научиться причинять другим вред. Хотя нет — был еще и третий вариант: он мог просто умереть от голода, учитывая, что Аргза дал запрет поварам на особое вегетарианское меню для него, а есть мясо он не мог себя заставить, и приходилось довольствоваться хлебом и остатками общего супа.

Он подошел к нему и — рухнул перед сидящим в капитанском кресле варваром на колени. Это оказалось нетрудно: ноги все равно не держали. Саднящим лбом он в изнеможении уткнулся в носки его сапог, вцепившись, как безумный, в его брюки дрожащими пальцами.

— Простите меня... — зашептал он сбивчиво. — Умоляю, простите... Я ошибся, я ужасно ошибся, когда говорил вам... те слова! Пожалуйста, я не выживу без вашей заботы, я не справлюсь, я не выдержу больше... Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Ладонь варвара легла на его затылок в привычном ласкающем жесте, и только тогда он решился поднять взгляд.

— Ты прощен. — Аргза улыбнулся ему, и темные глаза его чуть потеплели. — Но прежде — заслужи это прощение.

Он многозначительно посмотрел на свой пах, недвусмысленно намекая. Сильвенио застыл, кусая губы.

— Ты ведь делал так моему братцу, я не ошибаюсь? — Тот неуверенно кивнул, содрогнувшись от воспоминаний. — Хорошо. Значит, опыт уже есть. Покажи, чему ты научился.

Он не мог возразить. Не мог отступить сейчас, не мог встать с колен, не мог выбрать смерть. Может быть, многие бы выбрали на его месте, но он все еще свято верил в то, что ему так часто повторяли в детстве: причинять вред — грех, но не ценить свою жизнь, какой бы безнадежной она ни казалась — грех еще больший, потому что святая мать Эрлана дает своим детям жизнь не для того, чтобы ею разбрасываться. Пока ты жив, нужно сделать все от тебя зависящее, чтобы эту жизнь сохранить. Поэтому он закрыл глаза и потянулся к его ширинке.

Когда он закончил «просить прощения», его глаза были пусты без всякого Контроля. На испачканные губы и подбородок он не обращал внимания, продолжая сидеть на коленях и не поднимая больше взгляда.

— Иди умойся, Лиам. Потом вернись, ты мне еще сегодня будешь нужен. С завтрашнего дня я возвращаю тебе твоё питание и нормальный режим.

Он кивнул и, поднявшись, вышел из кабины, направившись в личную ванную Аргзы. Вернулся он, однако, только через полтора часа, с мокрой головой и слипшимися — то ли от воды, то ли от слез — ресницами. Без слов подошел к консоли, привычно настраивая систему корабля — необходимости в калибровке сейчас не было, но на Аргзу ему смотреть не хотелось.

Пират встал. Обнял его сзади за плечи, зарылся носом в мокрый пух волос, чувствуя, как хрупкое тело под ним ощутимо напрягается.

— Послушай, — сказал Аргза, целуя его в макушку. — Не думай, что я на самом деле такой уж бездушный. Все совсем не так, как ты себе представил. Мне действительно нравится о тебе заботиться — и черт с ними, с мотивами. Просто... тебе стоит быть осторожнее со словами, ладно? Я и впрямь разозлился, потому что, видишь ли, ужасно не люблю неблагодарных.

Сильвенио благоразумно проглотил рвущееся наружу замечание о том, кто на самом деле здесь неблагодарный, учитывая,